

Ирэн
Роздобудько

**Амулет Паскаля.
Последний
бриллиант миледи**

CF FOLIO

Ирэн Роздобудько

**Амулет Паскаля. Последний
бриллиант миледи (сборник)**

«Фолио»

2012

Роздобудько И. В.

Амулет Паскаля. Последний бриллиант миледи (сборник) /
И. В. Роздобудько — «Фолио», 2012

В эту книгу вошли два романа Ирэн Роздобудько – «Амулет Паскаля» и «Последний бриллиант миледи». Главный герой первого из них – мсье Паскаль, с его уникальным миром и не менее уникальными гостями, которые сошлись за одним столом, преодолев временное пространство. Что же касается второго романа, то сама писательница считает, что он – «дань моему детскому увлечению Александром Дюма и... полная авантюра относительно всех, возможно, узнаваемых исторических и неисторических лиц, которые живут на этих страницах...»

© Роздобудько И. В., 2012

© Фолио, 2012

Содержание

Амулет Паскаля	6
Часть первая	6
Часть вторая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирэн Роздобудько
Амулет Паскаля. Последний
бриллиант миледи (сборник)

© И. В. Роздобудько, 2014

© Н. Е. Фомина, перевод на русский язык, 2014

* * *

Амулет Паскаля

Часть первая Кирпич, лежащий на краю крыши

1

Когда люди остаются сами с собой наедине, им свойственно делать какие-то довольно интимные вещи. Скажем, чесать спину, запустив руку под свитер. И это еще не такая уж крамола по сравнению со многими другими! Какими – можете себе сами представить. Тем более что нет в мире человека, который бы порой не наблюдал за собой со стороны и не ужасался тому, ЧТО он делает, когда его никто не видит. И ничего такого в этом нет. Но иногда меня охватывает необыкновенный ужас, когда представляю себе такую ситуацию: я с наслаждением чешу спину, полностью отдавшись приятным ощущениям, и вдруг передо мной распахивается занавес, который до этого надежно ограждал меня от другого измерения, и у меня появляется куча зрителей.

Все они – в вечерних нарядах, с бокалами шампанского в руках... Они стоят вокруг дивана, на котором лежу я – в домашних шерстяных носках, запустив руку под свитер! Я замираю. Они – тоже. Немая сцена...

Нам не дано знать, кто находится рядом – на расстоянии вытянутой руки или еще ближе: на расстоянии вдоха, кто дышит нам в затылок или в какое невидимое лицо мы посылаем струйку выпущенного из губ дыма...

Пространство вокруг нас плотно заполнено. Это даже не коммуналка, а скорее – тюрьма или тамбур поезда, в котором стоят призраки. Или наоборот: ты сам – призрак в кругу нарядных людей. Занавес раздвигается лишь на миг, и ты попадаешь в это измерение, как пришелец с другой планеты.

Кто хоть однажды не представлял себе такое? Тот, с кем никогда не случались подобные неприятности.

В детстве мне хотелось опровергнуть все законы физики и астрономии. На рисунках в учебнике для пятого класса четко было представлено устройство Вселенной: планеты кружат по своим орбитам вокруг Солнца. А я иногда думала, не крутимся ли все мы... в кабине огромного лифта? Лифт этот – в доме, дом – в городе, город – в стране, страна – на планете, которая несоизмеримо больше песчинки нашей Вселенной. Двери могут неожиданно открыться (ведь кто-то куда-то едет в этом лифте!), и тогда сквозняк сметет пригоршню планет, нарушит круги этой Солнечной системы, и вся наука полетит к чертям.

А еще я думала: может быть, вот эта система, со знанием дела описанная в учебнике, всего лишь клеточка на теле великана? Или – его глазное яблоко?

Мне казалось, что мир устроен, как матрешка: меньшая вкладывается в большую. И так – до бесконечности... Точно так же и измерение вкладывается в измерение.

Когда я начала рисовать, учителя говорили, что мои рисунки слишком «засорены», ведь даже небо я рисовала заселенным разными существами. Ну что тут поделаешь, я так чувствовала. Поэтому меня и выставили из художественной школы...

Ощувив эту вселенскую перенасыщенность, я стала думать, где бы найти место, чтобы побыть там одной. Довольно странное было желание. Монастырь? Но во мне было слишком много плотского. К тому же там нужно вставать в четыре утра...

Позже – почти что сейчас! – я поняла, что могу жить и наслаждаться только в... своей голове, то есть – в воображении. По крайней мере, туда не проберутся люди с бокалами шампанского в руках. Конечно, если я сама их туда не впусчу!

Все мои действия и участие в активной общественной жизни заканчивались бегством. Возможно, поэтому я попадала во все западни, которые встречались на моем пути. Я давно обратила внимание на такой вот парадокс: те, кто пытаются сбежать, всегда оказываются пойманными именно на тот крючок, от которого пытались уберечься!

И все же, я думаю, этот дом не западня. Хотя очень на это похоже.

Он расположен на окраине маленького предместья, за ним – чудесный лес, а чуть в отдалении возвышаются горы с вечно белыми вершинами.

Когда я думаю о том, как очутилась тут – в этой стране, в этом доме, у этого леса, – именно тогда и приходит в голову то, о чем я уже говорила: лифт открылся, ход планет нарушился, самая маленькая матрешка упала, разбилась, из нее вылетел гусь, из гуся выпало яйцо, из яйца – иголка. Иголка упала в стог сена.

Все просто.

Иголка – это я...

На верхнем этаже, в моей комнате есть все необходимое: туалет и ванная, кухонный уголок со всеми техническими прибабасами, которые сами варят кофе, моют посуду, разогревают ужин (если, конечно, я не ем внизу), спальня с огромной кроватью и окном во всю стену, из которого видны лес и горы. Моя обитель – единственное современное, что есть в этом доме. Мсье Паскаль организовал все это для меня, как только увидел, что я приехала в рваных джинсах, с одним чемоданом в руках и с тремя колечками в ухе. Мне не пришлось ему ничего объяснять. Это меня вполне устраивает, иначе бы не выдержала и снова сбежала.

Иногда он говорит: «Откуда вы взяли на мою голову?» Это значит, что он уже не может без меня обходиться. Я быстро усвоила, что все его слова нужно воспринимать шиворот-навыворот. Думаю, что это ему во мне и нравится. И мне в нем тоже. Я не люблю прямолинейных людей. Или тех, кто считает себя таковыми. Порой их «Вы хорошо выглядите» означает, что у меня синяки под глазами, а «Вы такая порядочная женщина!» красноречиво свидетельствует о том, что я настоящая курва, которая спит и видит, как мсье Паскаль подписывает завещание в ее пользу. Еще устраивает то, что в мои обязанности не входит мыть посуду, что мне не нужно драить полы и пылесосить ковры.

Мсье Паскаль встает в три часа то ли утра, то ли ночи. Разве я могу просыпаться так рано? Он это понимает и не зовет меня, даже если у него выкручивает суставы. Хотя в такие ночи я и сама это чувствую (у меня невероятное чутье!) и спускаюсь, чтобы принести таз с горячей водой и достать из аптечки едкую зеленую мазь. «Убирайтесь прочь...» – стонет он, опуская руку на мою склоненную над его коленями голову. Я изо всех сил втираю мазь, и его ноги постепенно становятся теплыми, а мои ладони просто-таки горят огнем. Когда боль становится невыносимой, он глубже запускает пальцы в мои волосы и треплет их так, что утром мне трудно расчесываться.

Если бы наши гости, которые, собственно, бывают у нас не так уж и часто, отвели в сторону занавес своего измерения и на миг оказались здесь – о, что бы они подумали!

Однажды, представив себе это, я рассмеялась.

Утро наступает для меня примерно в девять. Я отправляюсь в ванную, наполняю джакузи, выливая в него полфлакона пены с лавандой, надеваю наушники и слушаю свою любимую мелодию Мишеля Леграна. Какую – не скажу.

Потом пью кофе с круассанами. Я ненавижу круассаны! Терпеть не могу всякие булочки и пирожные, которыми пропах весь центр города. Но круассаны – это ритуал. И я его исправно соблюдаю – а вдруг у меня за спиной окажется та добрая женщина, которая встает ни свет

ни заря, печет их для такой шушеры, как я, и заставляет своего сына-школьника развозить в плетеной корзине по адресам, указанным в визитках.

Мне уютно. Я нажимаю на пульт плазменного экрана и вслед за диктором прилежно повторяю все слова. С каждым днем незнакомых становится все меньше. Впрочем, мсье Паскалю очень нравится мой акцент. Я пытаюсь сохранить его. Поэтому слушаю не только Леграна, а еще один диск, который привезла с собой:

...Моя дівчинко печальна,
моя доле золота.
Я продовжую кричати...
Ніч безмежна і пуста...

Когда мсье Паскаль попросил рассказать, о чем эта песня, я ответила, что она про курву, которая отравила старого и очень больного мужа-миллионера, завладела его кредитными карточками, а потом, не вынеся угрызений совести, пошла на высокую кручу, прыгнула с нее в глубокое море и утонула, а потом...

Мсье Паскаль покачал головой и сказал, старательно произнося незнакомые слова: «Моя дывчєнко пьєчьяльна... – это курва?»

В десять я одеваюсь. Вернее – раздеваюсь, то есть снимаю махровый пушистый халат. На мне только длинная шифоновая накидка. Такой вот квадрат с дырой посередине... Честно говоря, я бы могла ходить по этому дому вообще голая, но это не входит в планы мсье Паскаля. В отличие от меня, он человек довольно-таки целомудренный. Да и никаких планов относительно меня у него нет. И это мне тоже нравится, ведь когда я со своим чемоданом ввалилась в этот шикарный дом на окраине, подумала, что мне здесь придется пылесосить не только ковры...

Хорошенько завернув остатки круассанов в туалетную бумагу, я незаметно кладу их в мусорный пакет. Я закрываю дверь своей комнаты и окунаюсь в романтический полумрак, среди картин, развешанных на стенах вдоль отполированных перил длинной лестницы, каждый поворот которой отмечен присутствием львиной или лошадиной головы. На портретах – люди в средневековых одеждах, некоторые – в белых или черных париках. Кружевные воротники, золотые пряжки. Неровный свет, шорохи, выразительная тишина... Я раскланиваюсь с каждым портретом, и тело мое становится невесомым под их взглядами. Я – призрак. Мы играем в игру, кто из нас живее. Каждый мой шаг вниз – шаг в прошлое, каждая ступенька измеряется годами. Шаг – и сразу минус пятьдесят! Порой мне кажется, что, спустившись с последней, я окажусь в райских куцах и положу начало жизни на той песчинке, что бессмысленно вращается внутри лифта!

Преодолев ступени, оказываюсь в холле, через который тоже должна проплыть, как невидимая лодчонка среди айсбергов старины – резного комода начала XVI века, такого же бюро с канделябром в виде грифона, клюющего печень у несчастного Прометея, кресел и стульев, обитых выцветшими тканями ручной работы. Тут совсем темно – окон нет.

Я раздвигаю тяжелые двери и вхожу в так называемую столовую. Она – огромная. Все ее пространство занимает длинный стол. Такой длинный, что я не могу поздороваться с мсье Паскалем, который как маленький паучок сидит в торце, – он меня все равно не услышит! Он долго наблюдает за тем, как я иду, как развеивается моя накидка. Он улыбается. Перед ним – чистая белая тарелка с крошечной горкой какой-то каши, тарелка такая большая, что на ней уместился бы двухгодовалый поросенок (то есть – почти что свинья!), и пустой хрустальный бокал на толстенной ножке. Вот с этого бокала и начинается моя работа!

Если бы я отсюда написала кому-то письмо (чего никогда не стану делать!) и сообщила, в чем заключается мой «тяжкий труд», бывшие знакомые решили бы, что письмо это отправлено из местного сумасшедшего дома!

Я подплываю к мсье Паскалю, бережно беру со стола графин с красным вином и лью вино в бокал. Оно такое густое, что льется долго. Что-то опять происходит со временем! Почти так же, как и когда я иду по лестнице. С той только разницей, что в первом случае – время идет вспять, а во втором – останавливается. У меня даже немеет правая рука, которой я держу графин. От хрусталя, который постепенно приобретает красный оттенок, по стенам скачут «зайчики».

Я лью вино лет сто. С меня можно лепить статую, назвав ее «Женщина, наливающая вино». Порой я подумываю о том, что стоило бы заказать себе именно такое надгробие. Но сделать уточнение: эта неизвестная женщина наливала вино лишь одному мужчине в мире – мсье Паскалю. Когда бокал наполнен, я ставлю графин на место и сажусь в соседнее кресло. Работа выполнена. Я могу положить локти на стол, скрестить ноги.

– Как спалось, госпожа Иголка? – спрашивает мсье Паскаль.

И мы улыбаемся друг другу.

2

Похоже, этот учтивый вопрос задается неспроста. По ночам в приоткрытую дверь я вижу разные чудеса. Например, мимо нее проходят серебристые звери, с трудом переливаясь, как ртуть. Среди них – единорог, верблюд, волк, большой баран, а потом снова – единорог. А однажды в щелку ткнулся мордой белый конь...

...Это все – из-за воздуха, утверждает мсье Паскаль. То есть здесь он особенный, насыщенный кислородом, и поэтому в мозгу происходят разные благоприятные для фантазий процессы. Возможно, поэтому и время здесь течет как-то странно. Хотя, я знаю, бывают такие дни, месяцы или даже годы, когда живешь в остановившемся времени. А потому следует знать, что по сравнению с другими временными измерениями эти дни или годы – всего лишь мгновения. И в эту мизерную частичку секунды не нужно совершать глупостей. Например, глотать небезопасные таблетки, или намывать веревку, бежать к реке, сунув в карманы пальто по два кирпича, или стоять на перилах балкона, или открывать на кухне конфорки. Лучше подумать о... размазанных по асфальту мозгах, вываленном в петле языке и вообще о неэстетичной позе, которую можешь бессознательно принять. Бр-р-р...

Когда подумаешь о таком, сразу услышишь, как часики снова начинают тикать: тик-так, тик-так... Сначала кажется, что это скребется мышь или под обоями копошатся тараканы – это опять нагоняет тоску и навеивает мысли об асфальте под окном. Но когда прислушаешься – понимаешь, что это пошло время... О! Тогда серебряные звери собираются под твоим окном, рыбы заплывают в твою реку, на конфорке в сковороде шипит отбивная с кровью, а на веревочке нежно шелестят китайские палочки из бамбука... Тик-так!

Время – удивительная вещь.

Если бы мы относились к нему серьезнее, могли бы избежать множества проблем. Если бы время было рекой, а мы относились к нему серьезнее и были легкими, как перышко, – не было бы ничего лучше, чем просто лечь на волны.

Если бы время было рекой, а мы относились к нему серьезнее и были легкими, как перышко, – мы бы не гребли, не размахивали руками, не боялись захлебнуться и не звали бы на помощь.

А плыли бы по течению. И оно обязательно вынесло бы нас туда, куда нужно. Например, в эту обитель...

...Так вот, мсье Паскаль говорит, что здесь, на окраине нашего города, – удивительный воздух. Из него можно выхватывать фантазии. По правде говоря, у меня их всегда было столько, что я вишу в этом воздухе, как кристаллик соли в перенасыщенном растворе. Помните этот опыт из уроков химии?

Мсье Паскаль об этом знает. Он это проверил довольно странным образом. Когда я с одним чемоданом в руках и тремя колечками в ухе приехала сюда (конечно же, была готова мыть, стирать, убирать), он завел меня в кухню, расположенную на нижнем этаже... Сказать, что это – кухня, значит не сказать ничего. Мне показалось, что это спортивный зал. Только вместо скамеек и матов по его периметру расположилась всякая утварь для стряпни, включая очаг для запекания туш, а на стенах висели медные сковороды и кастрюли разных конфигураций и размеров. Несколько столов посередине: один – для нарезки овощей, второй – для мяса, третий – для рыбы, четвертый – для теста, и еще один – для приготовления смесей. Так вот, на железном столе лежали опаленный вепрь, кролик, курица...

– Через два дня у меня будут гости, – строго сказал мсье Паскаль. – Вы должны с этим что-то сделать (тогда он еще не дал мне того прозвища, на которое я сейчас откликаюсь с удовольствием).

Он позвал четверых – кухарку и трех помощников.

– Они будут делать все, что прикажете! Ужин устраивается в честь одного из Людовиков – вам не обязательно знать, которого из них, – но все должно быть вкусно. Вы когда-нибудь стряпали?

Я могла бы сказать – никогда, взять чемодан, развернуться и уйти. О, я запросто могла бы это сделать. Я ненавижу стряпать! А точнее – ненавижу застолья. Считаю их бессмысленной тратой времени, а тосты – это вообще полный бред. Собаки меньше брешут. Но я посмотрела на сухопарую фигуру мсье Паскаля, на его тапочки, халат и смешной ночной колпак на голове (я приехала слишком рано)... В глубине его глаз, которые в тот момент вернее было бы назвать маленькими буравчиками, таилось нечто такое... нечто такое...

Нечто очень подобное тому, что было и во мне. И я сказала, что стряпать – это страсть всей моей жизни. Если бы он завел меня в гостиную и предложил сыграть на органе фугу Баха – я бы тоже не отказалась!

Итак, он довольно кивнул головой и вышел из кухни, смешно шаркая своими шерстяными тапками.

Кухарка (впоследствии – «матушка Же-Же») и трое помощников смотрели так, будто на мне был скафандр водолаза и рыба чешуя под ним. В их глазах так же во всю мощь работали тысячи буравчиков. А я смотрела на убитую живность, живописно возлежащую на столе, словно на полотнах голландских художников. Меня поташнивало. Что мне нужно было сделать? Кое-как нарезать из окорока вепря отбивные. Стушить кролика. Сварить из курицы бульон. Пускай обожрутся. Чем богаты – тем и рады!

Но надо знать, какая я упрямая.

Я окинула взглядом стены с полками. Там стояло множество баночек с надписями – «базилик», «кориандр», «хмель» и еще куча названий, которых я не знала. В голове всплыло множество воспоминаний – что-то о маринаде, тушении в вине, запекании в тесте и шпиговании пряностями. Я засучила рукава. Потравлю всех к чертям, подумала я, и буду хозяйничать в этом доме – по крайней мере до тех пор, пока сюда не наведается полиция.

Вот мой рецепт. Вепря, вычищенного до состояния новорожденного поросенка, мы положили в чан, и я тщательно натерла его всеми пряностями, которые были в этих баночках. Потом залили все это бочкой вина, которое по моему приказу принесли из подвала. Когда помощники лили его в чан, кухарка умывалась кровавыми слезами, бормоча что-то о трехсотлетней выдержке и моем безумии. Может быть, она говорила что-то и похуже, но я тогда еще плохо понимала местный диалект.

Потом я уже действовала, как настоящий художник! Мясо кролика перекрутила в электрической мясорубке вместе с кучей зелени – лука, свежего перца, помидоров, чеснока, корня сельдерея, укропа. Потом взялась за курицу. Вспомнила, как одна деревенская повариха, которую пригласили обслуживать свадьбу моей родственницы, осторожно подрезала кожицу и сняла ее с несчастной курицы, как чулок. Главное в этом деле – вдохновение, говорила она. Мое вдохновение имело другое название: упрямство, поэтому «чулок» вышел превосходным! Что теперь? Я начала переодевать кролика в курицу: пустую кожицу я осторожно наполнила кроличьим фаршем. В глазах кухарки будто выключились буравчики: я заметила, что она наблюдает за всем этим безобразием с немалым интересом. Когда я зашивала брюшко курице-кролика толстыми нитками, надо мной с уважением склонились все четверо и смотрели, как на Бога.

Короче говоря, сутки прошли в трудах праведных... А я никогда еще не трудилась сутки кряду! Даже не заметила, как настало утро, как оно перетекло в день. Мсье Паскаль ни разу не заглянул к нам. Наверное, думал, что я сбежала. Днем мы вынули из чана вепря, благоухающего, как цветущий сад, и положили его на огромный медный поддон. Я слегка обжарила тушку курице-кролика и с нежностью уложила его во чрево кабана. Но там еще осталось место. Помощники с вопросительным уважением смотрели на меня. Мне уже было все равно! Я стала вбрасывать в ненасытное чрево содержимое плетеных корзин, стоящих в углу, – зеленые яблоки, чищенный лук, зубчики чеснока. Я так разошлась, что, как щедрый сеятель, высыпала туда вишни, груши, орехи, чернослив, зерна горчицы. Вышла дикая смесь, которую я к тому же хорошенько перемешала с медом. Ароматное ложе для гибрида кролика с курицей было готово. Недоставало какого-то штриха.

Интересно, каким был последний мазок на полотне Леонардо да Винчи «Мадонна в гроте», подумала я. Наверное, настоящее искусство начинается тогда, когда ты, окончив работу, начинаешь ее тихо ненавидеть... Если бы я была настоящим поваром в ресторане у себя дома, то есть – богом для желудков уважаемой публики, – я, наверное, точно попала бы в тюрьму, потому что не выдержала бы и высыпала в какое-нибудь «фондю бланшманже» щепотку крысиного яда! Ведь нет ничего горше, чем когда твой труд, твоё произведение искусства пожирают под пошлые тосты, посвященные какому-нибудь «Ивану Ивановичу».

Я молча стояла над вепрем, внутри которого в курином тельце был зафарширован кролик, и послушная паства затаилась у меня за спиной. Учитесь, дети, пока я с вами, подумала я и сняла с пальца серебряное кольцо.

– Серебро – дезинфицирует! – авторитетно заявила зрителям и вбросила кольцо во чрево. – А теперь зашивайте!

Я все время мысленно обращаюсь к живописи. И поэтому в этот миг представила себе удивительное полотно, которое могла бы создать, – «Зашивающие упряванного в вепре кролика». Кстати, это невообразимое блюдо – мое доказательство того, что мир устроен как матрешка, и все довольно-таки гармонично вкладывается друг в друга.

Итак, завершив работу, мы вставили лист с вепрем в печь. Потом несколько часов мои помощники поливали тушу соком, образовавшимся вокруг нее.

А я, обессиленная, сидела у огня и думала, этого ли я хотела, отправляясь в путь?

Одежда моя испачкалась, хотя на мне и был большой фартук из брезента. Мне не указали на какую-либо комнату, где я могла бы помыться, расположиться и отдохнуть. Мои помощники будто забыли обо мне и уже суетились, нарезаая салаты, разливая вина в графины и поднимая все это наверх с помощью специального лифта.

Последним на него положили вепря на громадном блюде. Все это уже меня не касалось. Даже есть не хотелось. Кухарка перекрестила кабанчика, как родного сына перед дальней дорогой, и нажала кнопку подъемника. Вепрь, из которого ароматными струйками испарялась его несчастная душа, медленно, как царица Клеопатра при въезде в Рим, поплыл вверх. Я подумала, что стоило бы раздеться и сесть на него верхом. Вот это был бы настоящий сюрприз

для гостей мерзкого старикашки! Хотя хватит с него и колечка, о которое он сломает свой последний зуб! Тьфу!

3

Дня два я провела в чулане рядом с кухней, решая, что делать дальше, пока кухарка не принесла весточку от моего хозяина. Оказывается, мсье велел составить список необходимых мне вещей и всего такого – короче говоря, всего того, что мне будет необходимо для дальнейшего пребывания в его обители. О, как я была зла! Трое суток без ванны! Трое суток под вонючей простыней в кухне на нижнем этаже!

Без тапочек, без ночной сорочки, в компании мешков с чищенным луком. Я уже однозначно решила разорвать контракт. И поэтому ничуть не дрогнувшей рукой вывела на листке бумаги по меньшей мере десять абсурдных пунктов. Чувствовала себя так, будто составляю брачный контракт. Итак: джакузи и завтрак в постель, плазменный телевизор, кровать три на четыре (метра, конечно же), окно с видом на горы, шелковое белье, шампунь фирмы Проктер энд Гембл, зубную пасту Лакалут-актив, радиотелефон, сто пар белых носков из ангорки (у меня всегда ледяные ноги), набор косметики от Живанши, платья, новые джинсы, два хрена собачьих...

Про хрены я, конечно же, дописала в «постскрипуме».

Следующим утром, когда я пыталась хоть как-то отчистить от кабаньей крови свои единственные джинсы, чтобы иметь приличный вид, когда выйду на улицу, та же кухарка, мадам Же-Же (то есть ее имя, как она сказала, Женевьева), вошла в кладовую без стука и пригласила меня следовать за ней.

– Мсье Паскаль просит прощения за проволочку и временные трудности, – сказала она. – Но столько пар шерстяных носков, да еще определенного цвета, пришлось выписывать из столицы. У нас городок маленький, и такого количества в лавке не нашлось...

– Это беспокоит... Паршивый у вас городишко, если в нем нет носков... – пробормотала я, но все же поплелась за ней – по той лестнице, о которой я уже рассказывала.

Собственно, мне было все равно, что меня там ждет – железный крюк для пыток, «испанский сапожок» или оркестр духовых инструментов. Но, признаюсь, поглядывая на картины, поглаживая деревянные перила и вдыхая запах освещенных тусклым светом апартаментов, я чертовски хотела, чтобы наше медленное восхождение длилось вечно. Наверное, я уже тогда ощущала вкус времени, разлитого в этом пространстве...

Женщина распахнула дверь в конце коридора и учтиво кивнула:

– Прошу. Располагайтесь. Мсье Паскаль сегодня очень занят. Он сам вас позовет. Обед – в три. Ужин – в семь.

И, притворяя за собой дверь, добавила:

– Мсье был очень доволен вашим блюдом. Это случается нечасто...

Черт побери! Черт! Черт! Сто миллионов жареных крыс! Я не могла прийти в себя. За окном (во всю стену) высились горы. Застеленная белым пушистым покрывалом кровать напоминала аэродром! В шкафу – все, что нужно, чтобы не ходить в заляпанных джинсах.

Я решила, что, наверное, за мной кто-то наблюдает через глазок скрытой камеры, и поэтому, сохраняя невозмутимый вид, толкнула дверь ванной.

Джакузи...

Лакалут-актив...

Махровые полотенца...

Уйма соблазнительных пузырьков с духами. Это точно какое-то «реалити-шоу» с участием дикаря из «третьего мира»!

Интересно, сколько этот господин за него получит?! Я скрутила кукиш в громадное зеркало и вернулась в комнату.

Среди всего барахла не хватало хренов собачьих.

Посредине круглого стеклянного столика лежало мое серебряное кольцо...

...Так я оказалась в этом доме. Так состоялось мое знакомство с мсье Паскалем...

Я знаю, что в моем рассказе нет того, что можно было бы назвать «правдой жизни». Но до этого, поверьте мне, мы еще дойдем. Хотя меня ужасно воротит от этой формулировки. Правда жизни – в запахе жареного лука, гречневой каши, она кистью художника-иезуита написана на лживых лицах политиков, она лежит в шляпе уличного аккордеониста, она хрипит и кашляет в промерзших водопроводных трубах, она скрывается под брюками женщин в виде заштопанных колготок... Я наелась ее досыта! Меня тошнит от одного воспоминания об этих колготках.

Точно так же мне тошно писать письма своим бывшим приятелям. Конечно, я сразу, как неопит, оказавшийся на другом конце света, в первый же вечер написала письмо своей подруге. Оно было примерно такого содержания: «Доехала хорошо. Устроилась. Жарила вепря. Вижу в окно чудесные горы. У меня есть личное джакузи. И сто пар носков из ангоры... Они – белые».

Потом я скомкала эту писанину.

Представила себе, что могла бы ответить подруга. Она бы спросила про объем работы, про зарплату и о том, что значит «жарила вепря», не идет ли речь о сексе? А еще бы она сделала приписку о зиме...

Кстати, там, в моем городе, зима тянется долго-долго, почти бесконечно, и все разговоры только о погоде. Каждый день, где бы ты ни был – все говорят о холодах. Вчера было намного теплее, чем сегодня! А какой прогноз на завтра? Когда же это закончится? Все ходят бледные и прячут руки в рукава...

Но дело не в этом. И даже не в запахе «правды жизни» – жареного лука. Дело в том, что там, в моем городе, где долго тянется зима, я и сама говорила и думала только о холодах...

И всегда выгрызала весну зубами. Так ярко, будто ела твердое зеленое яблоко! С вами такое бывало? Хоть с кем-то одним – обязательно. Я выгрызала весну. Я так безумно желала ее, что порой мне казалось, будто она приходила лишь благодаря моим усилиям. В лютые морозы, стоящие в конце января, я упрямо надевала под шубу короткую юбку. Ветер и стужа хватили меня за все запретные для их длинных шупальцев места. Но под моей кожей распускались цветы, проступали на ней, как татуировки...

С этими цветами, прущими изнутри, я могла бы жить где угодно. Но я не люблю застоя. Какой смысл консервировать эти цветы в себе? Нельзя жить будущим, ждать и полагаться на него. Ведь можешь напланировать всякого на год вперед, а завтра на голову свалится кирпич – и прощайте, Карибские острова!

Мысль об этом проклятом кирпиче, лежащем на самом краешке крыши, прямо над моим подъездом, не давала мне покоя. Кто-то живет на бочке с порохом, кто-то – «от зарплаты до зарплаты», кто-то – «от субботы до субботы» (была такая развлекательная радиопередача), я же всем нутром ощущала этот чертов кирпич, который в любой момент может сдвинуться с места. Гадкое, гадкое чувство...

А еще последнее время, перед отъездом, во мне засели строки, вычитанные в повести моего любимого Маркеса «Рассказ не утонувшего в открытом море»:

«Лежа на своей койке – верхней, я думал о родном доме, о предстоящем рейсе, и не мог заснуть. Подложив руки под голову, я прислушивался к едва слышному шелесту моря и спокойному дыханию моряков. Подо мной была койка Луиса Ренхифо, он храпел, будто дул в тромбон. Не знаю, какие он видел сны, но уверен, что он не спал бы так безмятежно, если бы мог

предположить, что через ВОСЕМЬ ДНЕЙ будет лежать мертвый на дне моря...»

Вот эти ВОСЕМЬ ДНЕЙ волновали меня не меньше, чем мысли о кирпиче, висящем над головой. Если бы мне поставили такие условия, думала я, что бы я должна была сделать? С ума сходила от этого вопроса. И не могла спать.

Точно так же, как выгрызала весну, я начала выгрызать для себя тоннель в этих холодах.

А когда увидела эту комнату – такую, как и загадывала в своей бессоннице, – испугалась. Я подумала, что яростно вгрызаться в лед и считать дни – в этом и есть цель и смысл, а засесть в джакузи с видом на горный пейзаж – начало конца. Мышеловка... Такой вот парадокс.

4

Жизнь нужно воспринимать, как кино. И меньше размышлять над тем, что будет в следующей серии. Это, кстати, сказал мсье Паскаль спустя два дня, когда наконец пригласил меня к себе.

– Представь себе, что где-то там, на небе, высоко, откуда аисты приносят на землю души младенцев, ты стоишь у кассы в длиннющей очереди. Толпа. Шум. «О чем этот фильм? – спрашивают друг у друга будущие зрители. – Это – комедия, драма или боевик?» «Комедия!», «Мелодрама!», «Вестерн!» – звучит в ответ. Ведь каждый пришел смотреть СВОЕ кино. Эти ответы лишь сбивают тебя с толку, и ты сгораешь от нетерпения – поскорей бы попасть в кинозал. Прыгаешь на одной ножке, считаешь часы, минуты и секунды. И наконец – получаешь билет... Заходишь в темный зал. Слепнешь от темноты и не видишь тех, кто скрипит стульями рядом, твое внимание приковано к белому экрану. На нем пока ничего не происходит. Просто – темнота. А ты – первый зритель первого фильма в синематографе братьев Люмьер. С той лишь разницей, что поезд съедет-таки с экрана...

...Двое суток я усердно крутила дули в каждое зеркало и в каждый угол потолка, переодевалась за шкафом и с головой накрывалась одеялом, хотя утром все равно просыпалась раскрытая и голая (я привыкла спать, как Мэрилин Монро, которая, по ее же словам, на ночь надевала лишь одну каплю духов «Шанель»).

По телефону матушка Же-Же приглашала меня на кухню – поесть. Я вела себя, как партизан. Жилье и еда меня вполне устраивали. Я даже смирилась с тем, что участвую в этом шоу. В конце концов, все происходящее вокруг – тоже шоу. Только бери камеру и снимай! Но здесь я отоспалась и, как говорит моя подруга, – «отпустила ситуацию». Настолько, что перестала делать неприличные жесты, стоя перед зеркалом, и заглядывать время от времени под кровать.

Именно тогда матушка Же-Же сообщила, что мсье Паскаль освободился от своих срочных дел и готов поговорить со мной. Я должна была явиться перед ним во всей красе! Что бы ему могло понравиться? Шелковое платье, висевшее в шкафу? Туфли под цвет платья на высоких каблуках? Гладенькая опрятная прическа? Да, пожалуй...

Я вынула из аптечки пузырек с зеленкой и тщательно смазала ею волосы по всей длине. Надела джинсы, в которых работала на кухне, – от них сильно несло засохшей кровью. Поверх белой футболки натянула черную майку. Получилось довольно стильно. Когда матушка Же-Же пришла за мной, чтобы проводить в кабинет хозяина, ее мой вид задел так, что она на миг даже прижалась к двери и чуть не выпала из нее в коридор.

Мы спустились по лестнице, потом свернули направо, потом – налево. Из стен этого крыла торчали олени рога, улыбались кабаньи рыла, печально поблескивали искусственными зрачками нежные косули...

Матушка Же-Же почтительно приоткрыла дверь и кивнула мне: «Можно войти!»

Я человек не очень стеснительный, хотя помню времена, когда в самых разных ситуациях мои щеки заливал предательский румянец. Я доказывала себе и другим, что это – особенность кожи, под которой сосуды расположены слишком близко, но это было неправдой! Я краснела потому, что не имела навыков общения. Мне всегда казалось, что люди должны воспринимать друг друга на уровне жестов, находить единомышленников по... стилю одежды, по книге, лежащей в их сумке, по коротким, но метким фразам и даже по тем блюдам, которые они любят. Когда эти иллюзии развеялись, я начала слишком много болтать, открывать любые двери ногой и вообще вести себя так, чтобы больше никогда не краснеть. Чем раскованнее поведение, тем меньше интересуются, от чего у тебя пылает физиономия. У наглых людей она всегда красная и всем довольная.

Так вот, перед тем как войти в кабинет мсье Паскаля, я почувствовала давно забытый укол застенчивости. Будто я вернулась на десять лет назад в свое прошлое, которое терпеть не могу. Но я знала, каким должно быть противоядие этому уколу, вызывающему пробуждение совести.

Я вошла в кабинет.

Мсье Паскаль, как я себе и представляла, сидел за широким письменным столом, позади него – полки с книгами под самый потолок, окна зашторены зеленым бархатом (очень гармонирует с моими волосами, подумала я). Не хватало «мраморного» дога у ног хозяина, камина, еще чего-нибудь в этом роде – возможно, «философского камня», который стоял бы на столе, или глобуса в резной оправе. Но на тумбе стоял допотопный репродуктор, а возле него были разбросаны вещи, место которым в прихожей, – потертые кожаные перчатки, зонтик, надтреснутая пепельница и телефонная трубка – без аппарата.

Я вошла в кабинет.

Я вошла в кабинет, с острейшим уколом совести.

Я вошла в кабинет с уколом совести и предательским чувством – когда «Бобик» попадает в гости к «Барбосу», он всегда должен вилять хвостом. А изо рта пускать слюни.

Итак, я вошла в кабинет, прошлась, села на стул напротив стола и сказала:

– Привет, папик!

Я знаю, когда ведешь себя именно так, необходим еще один мелкий, но очень существенный нюанс: смотреть в глаза собеседнику.

Иначе вся твоя храбрость быстро улетучится. Я посмотрела. Собственно, за эти несколько дней я забыла, как он выглядит. Передо мной сидел пожилой мужчина, сухопарый, с большими темными глазами и массивным носом, его лоб бороздили благородные морщины. На нем была мягкая клетчатая кофта. Зеленый платок на шее, белая рубашка. Из всего увиденного я бы выделила только глаза. Интересные глазки – слегка навывкате, с разноцветными крапинками. Такое впечатление, будто в зрачки вставлены два маленьких глобуса с параллелями и меридианами. Итак, дух земного шара все же витал в этом полумраке. Интересно, обозначена ли на нем точка моей родной страны?

Вдруг мне почудилось, что лицо мсье Паскаля неожиданно... помолодело. Скорее всего, мой взгляд рассредоточился, как это бывает, когда долго смотришь на свет, и лицо мсье Паскаля расплылось перед моими глазами. Оно было гладкое, как яйцо. И по нему поплыли другие носы, губы и брови – так, как это бывает, когда в милиции составляют «фоторобот» преступника (когда-то я принимала участие в таком эксперименте у себя в городе – тогда один тип попросил меня спрятать в доме маковую соломку, а потом выяснилось, что он мафиози местного масштаба). Это было похоже на ускоренную эволюцию в пределах одного лица.

– Что с вами? Вы переутомились? – услышала встревоженный голос и открыла глаза. Мсье Паскаль стоял передо мной со стаканом вина в руке. – Выпейте!

Я действительно переутомилась. Сначала от приготовления той чертовой еды, а еще больше – от ожидания. Я все-таки не железная. Я взяла стакан и сделала глоток.

Мсье Паскаль снова уселся на свое место.

– Хорошо, – сказал он. – Вы красиво пьете. Интересно было бы посмотреть, так же ли красиво вы умеете наливать вино...

– Никогда не думала, что можно обращать внимание на такие незначительные вещи... – сказала я.

– А как же. По тому, как человек ест, пьет, готовит или раскладывает еду, можно судить обо всем остальном...

«Эге... – подумала я. – Например, о том, как он будет удовлетворять такого старикашку, как ты...»

– Смотря каким образом... – будто отозвался на эту мысль хозяин. – Итак, в такую даль отправляются в двух случаях. Когда вы несчастны там, где родились. Или когда вы слишком счастливы, чтобы не позволить себе новых впечатлений.

– Есть еще третье: подзаработать денег! – добавила я и подумала, что, имея ТАКОЙ дом, он, конечно, не может представить себе ситуацию, в которой сорвется и помчится жарить вепря на другой конец света.

– У вас острый язычок, – сказал мсье Паскаль. – Я буду называть вас – Иголка. Госпожа Иголка.

«Конечно, зачем тебе знать, как меня зовут, – подумала я. – Думаешь, что за сто пар носков я готова откликаться даже на кис-кис?»

– Но если вам это не нравится... – продолжал мсье.

– Нет, – поспешила успокоить его я (ведь мне вовсе не хотелось возвращаться к своему настоящему имени). – Замечательно! И очень метко. Мне нравится.

– Мне тоже. Поэтому продолжим разговор. Вы приехали сюда заработать, как говорите, денег... Сколько же вы планируете их получить? И на что потратите свой первый миллион?

Я подумала, что это, наверное, какой-то тест, которым обычно проверяют новых работников. Однажды я уже проходила подобное тестирование на фирме, куда пыталась устроиться еще там, на «большой земле». Мне сказали, что это будет тест на IQ, но поскольку тогда еще никто не знал, что это такое, пришлось отвечать на дурацкие вопросы, вроде: «На дереве сидят два ворона. Один смотрит на север, другой – на юг. «У тебя на клюве – пятно!» – говорит один. «А у тебя на крыле перьев не хватает», – говорит второй. Вопрос: как они видят друг друга, если смотрят в разные стороны света?» Поэтому не удивилась. И потом, разве не интересно поразмыслить над тем, на что вывалить такую сумму? Кто же об этом не думал, хотя бы раз в жизни!

– А что бы вы сделали, если бы узнали, что до конца вашей жизни осталось восемь дней? – спросила я. Мне кажется, это был достойный ответ, хотя я и не люблю отвечать вопросом на вопрос.

Мсье Паскаль засмеялся.

– Не ищите подвоха в моих словах, госпожа Иголка! – сказал он. – Я понимаю, что многое в этом доме вам кажется странным. Но я – человек старый, одинокий, почти маразматичный. Мне много не нужно. Так, кое-какие мелочи...

«Ага...» – подумала я и только собиралась нарисовать эти «мелочи» в своем воображении, как мсье Паскаль прервал мое занятие:

– Действительно мелочи. Обычные бытовые мелочи. О них мы еще поговорим.

– Хорошо. – Я решила больше не фантазировать на тему всяких извращений. – Но это немного странно. Почему вы не выбрали для этих, как вы говорите, мелочей более достойную кандидатуру, какую-нибудь местную барышню?

– О, на самом деле у меня был довольно богатый выбор! – улыбнулся мсье Паскаль и указал рукой на кипы бумаг и папок, лежащих у него под столом. Их было так много, как писем Деду Морозу в Лапландию, которые зимой пишут дети всего мира.

На меня сошел священный трепет:

– И из всех этих кандидатур вы выбрали меня? Почему?!! С вашими доходами вы могли бы нанять выпускницу Сорбонны. Или Кембриджа. Или... царицу Савскую. Уверена: они так же красиво распивают вино... И не только это.

– Возможно, – пробормотал мсье Паскаль. – Но они... не видят коридора...

Я оглянулась на дверь. Она была закрыта – в ней не было видно никакого коридора. Разве что я отчетливо представила себе, что за ней, прильнув ухом к замочной скважине, стоит матушка Же-Же.

Мое движение разозлило старого мсье. Он заговорил энергичнее, будто втолковывая урок, который я давно заучила и вдруг забыла. К тому же он перешел на «ты».

– Знаешь, что такое открытый вход? Что такое коридор? Порой там (он указал глазами на потолок) двери открываются именно в тот момент, когда ты озвучиваешь свое желание. Ты, конечно, об этом и не догадываешься. Просто в этот момент произносишь что-то вроде: «Господи, я так хочу модный зонтик!» Это, надеюсь, понятно? (Я покорно кивнула, ведь довольно часто беспокоила небесную сферу подобными крамольными мелочами.) Конечно, зонтик у тебя появляется – так или иначе. Но в этом случае он появляется быстрее, чем ты планировала. Но! – Мсье Паскаль поднял палец вверх. – Если бы в тот момент человек знал, что ДВЕРИ ОТКРЫТЫ, разве просил бы он о таких незначительных вещах? (Я отрицательно покачала головой.) Так-то вот...

«А при чем здесь я?» – очень хотелось спросить мне, но мсье Паскаль продолжал, и меня уже не удивляло, что он будто читает мысли, хотя это было не сложно:

– Вы? Вы не впадаете в крайности. Ведь есть две категории: те, кто обращается по мелочам (обычно они забавные и совершенно безопасные), и те, кто внимательно следит за тем, когда дверь открывается... Конечно, им не дано знать об этом миге, но они настырно, ежедневно, ежеминутно требуют СВОЕГО. А я не люблю настырных людей... И фанатиков не уважаю.

Он закашлялся и умолк.

Потом мы еще немного поговорили о моих обязанностях. Честно говоря, я мало что поняла.

Когда я уже стояла на пороге, мсье Паскаль окликнул меня:

– Еще одну минутку, госпожа Иголка. Я забыл у вас спросить: а что в вашем списке означает «хрены собачьи»?.. Мы этого не нашли...

5

Той ночью я спала спокойно. Почувствовала, что эта шикарная комната – моя, и уже не присматривалась к углам и зеркалам. Первое, что сделала, когда вернулась после собеседования с мсье, разбросала вещи, поменяла местами вазоны и стулья, выложила на стол весь свой скарб из косметички и раздвинула шторы, которые висели слишком аккуратно. Этим я «пометила» свое место, как кошка. То, что я здесь задержусь, само собой разумелось. Лишь бы не заставили носить черное платье с белым передничком и накрахмаленный чепец на голове!

Ближе к вечеру мсье Паскаль позвал меня к себе снова.

– Я почти не выхожу из дома, – сказал он. – А если куда и отправляюсь – только в ближайшее бистро, через дорогу. Но не для того, чтобы поесть. Время от времени там собираются мои друзья. Или те, кто имеет шанс вскоре ими стать. Сегодня вы будете сопровождать меня. Я хочу, чтобы вы увидели их, и потом, когда они придут ко мне, – не пялили на них глаза. Ну и, конечно же, попробуете местные напитки, освоитесь... Я ведь не собираюсь держать вас взаперти. Встречаемся внизу в шесть. И если можно... очень прошу, смойте эту зелень с головы. Не хотелось бы, чтобы обо мне судачили в городе...

Старик, оказывается, боится сплетен.

– А что у вас здесь надевают в таких случаях? – поинтересовалась я. Мне очень захотелось как-то угодить ему.

Мсье Паскаль пожал плечами:

– М...м...м... Я не обращал внимания. Кажется, то же, что и в других местах... Посмотрите в окно.

Я посмотрела в щелку между бархатными шторами его кабинета. Там легкой пеленой дрожал мелкий дождик.

В шесть я ждала его в прихожей и имела довольно пристойный вид. Решилась надеть черное платье, висевшее в шкафу. Волосы, конечно же, вымыла и уложила в аккуратный узел.

Идти было недалеко.

Я держала над мсье Паскалем большой черный зонт, который мне сунула в руки матушка Же-Же, хотя дождя уже и не было.

Я столько дней просидела в этом доме, что успела забыть, как выглядит городок. Помню только, что автобус довез меня до самого дома, а в окне, словно нарисованные, висели одни и те же пасторальные пейзажи – опрятные коттеджи, стриженные газоны, клумбы. Сейчас туман клубился в конце длинной улицы, больше ничего не изменилось: коттеджи, клумбы. Ни одного прохожего. И это понятно, ведь что делать на этой игрушечной улице, где нет пивного ларька или игрового автомата?!

Бистро действительно было в каких-то десяти шагах от дома мсье. Не знаю, из чего оно было выстроено – пожалуй, все-таки из кирпича, но снаружи было обшито деревом, как настоящая деревенская забегаловка или стилизованный под простую охотничью избу ресторан. Я люблю деревянные строения, люблю сидеть без скатерти и выцарапывать ножом на поверхности стола узоры. От металла и пластика меня тошнит и во рту появляется кислый привкус.

Итак, это бистро мне сразу понравилось. И изнутри – тоже. Ведь оно было таким, как я себе и представляла. Длинные отполированные локтями столы, тяжелые стулья на толстенных ножках с вырезанными сердечками на спинках. Стойка – тоже цельное потемневшее дерево. За спиной пышнотелой барменши – батарея бутылок. Она приветливо кивнула мсье Паскалю и показала глазами на меня:

– Новенькая?

Мой хозяин ответил: «Да» и повел меня за дальний столик у камина.

– Что она будет пить? – крикнула ему вслед барменша. Вкусы самого мсье она, видимо, знала.

– Шардоне-совиньон-пинаколада-абсент-малибу-мартини-кампари-кровавая мери-дом-периньон-брют-гавайский ром-чинзано-мартель?.. – Мсье Паскаль еще минуты три перечислял то, из чего мне следовало выбрать напиток, достойный моего нового платья и прически.

– Пожалуйста... – степенно сказала я. – Если это, конечно, возможно... Я бы выпила того вина, название которого, извините, сейчас не припомню... Того самого, что делают из винограда, собранного... в Альпийских горах, когда термометр опускается ниже семи целых и девяти десятых градуса по Цельсию...

Я сказала это и скромно опустила глазки долу.

– Айс блу! – одновременно воскликнули оба. – Достойный выбор!

Пока барменша возилась с нашими напитками (мсье предпочел обычное темное пиво!), я огляделась. В кафе было пусто, ничего интересного. Правда, уютно и очень хорошо пахло древесиной...

– Еще слишком рано... – сказал мсье Паскаль, заметив, что я немного заскучала.

Передо мной уже стояла рюмочка – стеклянная, утопленная в маленький деревянный бочонок. Вино было прохладное и терпкое – настоящий подмороженный виноград.

Пока я рассматривала странный бочонок, крутила его в руках – а длилось это минуты две, – быстро заполнилось людьми. Такое впечатление, будто в пустой невод попала стая рыб! Или... Или мимо проходила какая-то демонстрация и все гурьбой завалили сюда. Мгновение – и все вокруг загудело, задымил, пришло в движение, откуда-то донеслась музыка. Нормально! Можно жить. Публика была довольно разношерстная, но такая себе... обычная для маленького городка. Парочки в джинсах и толстых свитерах, жавшиеся друг к другу за отдельными столиками, компании мужчин, которые сразу же выложили на стол карты или шахматы. В углу – какой-то волосатый типчик с ноутбуком, несколько старичков с раскрытыми вечерними газетами в руках... Барменша сновала между ними, выставляя на столы графины и бутылки, и недовольно сопела в адрес одного-единственного официанта, который весело переговаривался с девушкой у стойки.

Вот с этой публикой мне предстоит жить и знакомиться ближе, подумала я, ведь было понятно, что все они местные. Я вопросительно посмотрела на мсье Паскаля.

– Я и сам не всех знаю, – сказал он. – Иногда здесь оказываются совершенно новые люди. Сiju здесь и пытаюсь представить себе, кто они такие. Иногда попадаю в «яблочко». Но многие тут – мои приятели.

– Те, кто любит экзотические блюда из вепря? – не удержалась я, чтобы не съехидничать.

– Ну, должен же я чем-то их удивлять время от времени. А вообще, они неприхотливы... Им нужно совсем немного. Разве что – полмира в кармане (тут мсье Паскаль улыбнулся). Вон тот (он указал на темноволосого парня в клетчатой рубашке) – вы будете называть его Фэд – ходит сюда ради нашей барменши. Посмотрите, как он на нее смотрит!

И правда, чернявый типчик поедал дородную мадам глазами. Ее грудь и ягодицы были настолько самодостаточными, что, казалось, существовали отдельно от всего прочего, что составляло ее тело, и танцевали при каждом движении зажигательное фламенко.

– ...а женится на крошечной женщине... И прославит ее, – задумчиво продолжал мсье Паскаль. – А этот (он кивнул в сторону парня за ноутбуком) Джон, по-вашему – Иван. Как видите, пытается стать писателем. И что вы думаете? Станет-таки...

– Откуда вы знаете?

– Знаю. Это мой друг.

– А этот? – Я указала на парня, который как раз сейчас расшнуровывал свои старые промокшие кроссовки и подвигал их ближе к огню.

– А... Этот парень – голова! Переводчик Шекспира. У него всегда проблемы с одеждой... И... с миром.

Я видела, что мсье подсмеивается надо мной. Особенно это стало заметным, когда из него, как с последней страницы какой-нибудь «желтой» газетенки, полезли дальнейшие сведения о присутствующих. Женщину с короткими темными волосами, сидевшую в компании мужчин, он назвал «первой женой Эжена Гренделя», седого бородача – «самоубийцей», волоокого красавца с платком на шее – «гениальным художником, который погибнет на улице и будет похоронен на кладбище для бродяг»... Горемычные жители! Они, видимо, и не предполагали, какую судьбу им уготовил мой чудаковатый хозяин. Наверное, хорошо сидеть вот так, в крошечной забегаловке, имея собственный дворец через дорогу, и навешивать на людей ярлыки, подумала я. А что ему еще делать?

Во время нашего разговора многие из посетителей кивали мсье Паскалю, поднимали руки с бокалами, посылая таким образом приветствие, и с интересом разглядывали меня. Я чувствовала себя неловко в своем черном платье...

– Наверное, нечто подобное вы скажете когда-то и обо мне? – спросила я.

– М-м-м... Возможно, возможно... – равнодушно пробормотал мсье Паскаль.

Очевидно, я была ему не интересна, несмотря на то что он выбрал мое резюме из тысячи других. Я снова заскучала.

– Сейчас начнется живая музыка, – мгновенно отреагировал мсье Паскаль. – Они приходят в половине седьмого.

Действительно, спустя несколько минут в углу на небольшом круглом подиуме стали настраивать свои инструменты молодые люди в линялых футболках.

– Они хорошо играют! – оживился мсье. – Вам понравится.

Мне нравится, когда играет музыка.

Мне нравится, когда играет музыка в деревянном бистро.

В деревянном бистро на окраине незнакомого городка.

Незнакомого городка, которому я безразлична и который безразличен мне.

Тогда я закрываю глаза и представляю, что я сижу в деревянном бистро города, который я люблю и в котором меня любят.

Города, в котором поют «Моя дівчинко печальна, моя доля золота...» и идет дождь.

Города, который я хочу выхаркать из себя – с кусками легких и его ледяной нескончаемой зимой...

– Когда я буду умирать...

Когда я буду умирать,

О чем подумаю в последний миг,

Если, конечно, это не случится вдруг?..

Что сочту ошибкой?

А что – достижением?

Возможно, одно и второе поменяются местами?

И я пойму,

Что все проходит и ничего не имеет значения,

Кроме друзей...

Кроме друзей,

Которые будут стоять и смотреть на меня

В мой последний миг...

Я даже не заметила, что они – уже играют. Мне показалось, что это звучат мои мысли.

– Я же говорил: вам понравится, – подмигнул мне мсье Паскаль. – Они станут очень знаменитыми. Одного убьют, когда ему исполнится сорок, в городе Желтого Дьявола неподалеку от большого сквера, второй потеряет любимую жену, а позже женится на женщине без ноги... Третий...

Я кивнула, уже не слушая его бормотание, не отрывая глаз от круглого подиума. Собственно, туда смотрели все. Джинсовые парочки, целуясь, медленно двигались в полумраке. Я подумала, что там, откуда я приехала, уже нет таких простых бистро, где вот так можно потанцевать, заказав лишь кружку пива.

– Будь я моложе, я бы пригласил вас на танец, – сказал мой хозяин, будто оправдываясь. – Вы ведь давно не танцевали...

– Женщина, которая давно не танцевала,

И мужчина, который давно никого не приглашал на танец, –

Одетые во все черное...

Застегнуты на все пуговицы,

Их прически опрятны.

Они говорят о погоде.

Вчерашней погоде...

И пишут на бумаге цифры, цифры, цифры.

Один миллион девятьсот девяносто девять...
Один миллион девятьсот девяносто девять...
А музыка играет сама для себя:
«Если бы вы только знали...»

– Если бы вы только знали, как мне хочется пригласить вас на танец! – Я оторвала взгляд от сцены. Тот, кого мсье Паскаль назвал Иваном (Джоном), стоял у нашего столика. – Вы не возражаете, мсье Паскаль?

– Мы только что об этом говорили! – улыбнулся тот. – И если дама не против...

Ну вот, я уже стала «дамой», а еще трое суток назад надрывалась, готовя ужин для вас и ваших гостей, подумала я. Среди них, кстати, мог быть и этот... Интересно, знает ли он, с кем собрался танцевать? Я протянула руку, и мы вышли в круг.

– Когда тебе кричат, что ты – ничто,
Проверь, на месте ли твое сердце...
Проверь, есть ли у тебя табак в трубке,
Пахнет ли на кухне кофе,
Спит ли в твоей кровати та,
Для которой стоит его варить?
Проверь...
Проверь, на месте ли твоя книга, которую
Ты читал под утро,
Есть ли кому взглянуть в твои глаза
И ничего не говорить при этом?
Проверь...
И не отвечай...

Мы смотрели друг другу в глаза. Довольно серьезно. В кино после такого взгляда обычно начинается сближение лиц и затем – продолжительный поцелуй с «наездом». Очень романтично выглядит!

Но в глубине каждого из четырех зрачков, которые теперь участвовали в этом «фильме», – где-то внутри, подтекстом проступало... отстраненное созерцание, которое не имело никакого отношения к этой романтике.

Я (точнее – тот придирчивый индикатор в глубине зрачка) фиксировала малейшую морщину в уголках его губ, след «трехдневной щетины» (интересно, это дань моде «мачизма» или просто равнодушие к своей внешности?). Он... Уверена, у него в голове слагалась какая-то фраза будущего романа. Примерно такая: «В окружении мсье Паскаля, этого чудака и отшельника, мне встретила хорошая славянка. Несмотря на то что мы не сказали друг другу ни слова и я вел себя довольно пристойно, меня не покидала мысль о том, какого цвета у нее белье. При более внимательном рассмотрении я догадался, что она его не носит...» Или что-то в этом роде... Поэтому этот долгий и опасный взгляд прервался проще.

– Я здесь четвертый день, – сухо сообщила я. – Буду работать у господина Паскаля. Возможно, даже буду стирать его носки. И не желаю быть объектом наблюдений.

– Ты знаешь, что делать
С пойманной бабочкой?
Положи ее
В толстую книгу
Между сто сорок второй

И сто сорок третьей
Страницами –
Там, где речь идет о
Чем-то очень важном,
Чем-то очень важном,
И на ее крыльях отразится все,
Что тебе нужно знать...

Что за напасть! Здесь даже музыканты издевались надо мной! Или мне только так показалось? Такое, конечно, бывает. Но ведь невозможно все время так нагло попадать в «десятку»!

Он ничего не ответил. Почтительно поцеловал мою руку, отвел к столу, поклонился мсье Паскалю. Сел за свой ноутбук, изредка бросая на меня взгляд так, будто уже писал ту фразу.

– Ну вот, с одним вы познакомились, – сказал мсье. – Остальных еще увидите. Нам пора. Я ложусь не позже десяти. Думаю, вы получили удовольствие и отдохнули?

Да, я действительно получила огромное удовольствие. От музыки.

Когда мы уже выходили (мсье Паскаль, направляясь к двери, пожимал кому-то руки), я еще раз внимательно прислушалась.

– Когда ты уходишь,
Уходишь в ночь,
Чтобы погасить свет и уснуть,
Взгляни через плечо:
Тот, кто посмотрит тебе вслед, –
Оставит на тебе
Свою печать,
Как на письме – в никуда...

Конечно, я оглянулась. Конечно, Иван-Джон прожигал взглядом мою не к месту обнаженную спину...

6

В этом городке все старые женщины носят черные чулки и черные туфли с перепонкой, как у школьниц. Юбки – в цветочек или клетчатые, на плечах – кружевные платки. Это выглядит чуть старомодно, как в итальянских или французских фильмах середины 30-х годов. Пожилых женщин здесь много. Они парами ходят в магазины, стайками оккупируют столики на открытых верандах у кондитерских. Они пьют кофе и поглощают пирожные со взбитыми сливками. Мужчины, их мужья, носят жилеты с множеством карманов и белые рубашки. Они не посещают кондитерские, а по вечерам собираются у порога какого-нибудь из домов, играют в шахматы, карты, курят трубки. Молодежи значительно меньше. Если попадается веселая разноцветная гурьба – это туристы. Главным образом они идут в горы, чтобы сверху созерцать живописный пейзаж.

А он действительно живописный! И городок тоже. В нем только одна длинная улица. С обеих сторон – дома, утопающие в зелени. Улица в солнечном свете – желтая, дома – белые, крыши – красные. Все будто нарисовано «чистыми» цветами, без малейших оттенков. А еще и синее небо – с четкой темной линией, которая очерчивает холмы, покрытые густыми зарослями, и белые вершины гор... Все настолько четко и совершенно, как картина, написанная в стиле наивного искусства или рукой ребенка. Вот и представьте, какой сюр привносят в этот колорит трогательные черные чулки и кружевные платки женщин.

Когда я вышла прогуляться, была поражена этими чистыми цветами, которые даже резали глаз.

Впервые я вышла пройтись днем – как раз тогда, когда все нормальные горожане предавались полуденной сиесте. Над городом висела невозмутимая гробовая тишина. Я шла по желтой улице и слышала каждый свой шаг. Даже поймала себя на том, что начинаю красться, как кошка. Но это было еще хуже: мелкая раскаленная галька противно скрипела под ногами, как целлофан. Этот звук отдавался в конце улицы, возвращался в мою голову и резонировал так, что у меня начали болеть зубы, будто я грызла перламутровую пуговицу. Окна коттеджей придирчиво следили за мной, на некоторых чуть заметно покачивались занавески. Уверена: за ними стояли любопытные жители и рассматривали меня с головы до ног! Я знала: если мужественно не преодолею путь – из конца в конец, – потом и вовсе будет трудно высунуть нос на улицу!

Мне нужно было показаться, засвидетельствовать свое присутствие в этом городе и, желательно, понравиться ему. Этот первый выход напоминал ныряние в незнакомую воду. А еще мне хотелось поздороваться хоть с кем-нибудь. Если я поздоровуюсь с кем-то одним, думала я, моя приветливая улыбка разойдется кругами, как вода в озере от брошенного камешка. И это существенно облегчит мою жизнь. По крайней мере, станут говорить, что я приветливая и вежливая.

Но здороваться было не с кем. Наверное, я подсознательно выбрала не лучшее время для прогулки. Ведь на самом деле мне не хотелось никого видеть и ни с кем не хотелось здороваться.

Наконец я заметила, что из одного дома вышла женщина в черных чулках, на поводке она вела упитанного кота той породы, у которой подрезают уши. Кот лениво вышел на лужайку и стал кататься в траве. Женщина терпеливо ждала и с интересом поглядывала в мою сторону. Я подошла.

У нас в таких случаях говорят: «Здравствуйте!». Но каким образом приветствуют друг друга в этой местности? Вот в чем заключался вопрос. Я начала вспоминать все, что знала, – «Салям!», «Хай-хай!», «Лаб дьен!», «Бон джорно», «Салют!»... «Сусям-паслям!», «Трали-Вали», «Банзай!»??? Хорошо, что я не успела ничего сказать! Женщина просто кивнула мне головой и констатировала:

– А вы живете у господина Паскаля!

– Да! – кивнула в ответ я.

– У него красивый дом, – продолжала старушка. – И сам он – добрый человек. Почти все тут (она обвела взглядом вокруг) принадлежит ему... Он основал наш город. Там, на площади, есть даже памятник нашему благодетелю. Его поставил один заезжий скульптор, забыла его фамилию. Это было так давно...

– А-а-а... – сказала я. Мне не хотелось обсуждать своего хозяина.

– Вы не стесняйтесь. Люди у нас хорошие. Сами увидите. Заходите как-нибудь на кофе. – Женщина кивнула в сторону своего дома. – Поговорим. У нас так мало новостей...

– Хорошо.

Я поблагодарила, еще раз взглянула на кота, который, как коза, щипал траву, и пошла дальше, в сторону круглой площади. Честно говоря, меня заинтересовала информация о памятнике. Любопытно, как выглядит мсье в камне?

Добравшись до своей цели, я едва удержалась от смеха! Посреди круглого фонтана, на гладком возвышении, которое, видимо, символизировало земной шар, сидел... «Мальчик, извлекающий занозу». То есть это была довольно искусная копия античной статуи первого века до нашей эры.

Да, подумала я, в этом городе живут одни шутники! Перекрестные струи воды омывали Мальчика со всех сторон, и в ярких отблесках казалось, что он и сам движется, склонившись

над своей ступней. Стоять у воды было приятно, я помыла руки, освежила лицо. Не заметила, как ко мне подошел старик в жилетке. Он тоже кивнул мне первым.

– Какой красивый фонтан! – решила сделать комплимент я. – Очень искусная копия.

– Да, да, – с довольным видом произнес старик. – Это господин Паскаль. В детстве, конечно же... А вы?..

– ...работаю у мсье Паскаля, – поспешила доложить я. – Вот вышла прогуляться.

– О, у нас здесь замечательно! – сказал старик. – Воздух, природа... Сейчас все отдыхают. Приходите сюда вечером, всех увидите. И вас все увидят. У нас есть кинотеатр, клуб, паб. Все, что нужно молодым людям, чтобы поразвлечься!

Я пообещала обязательно навеститься сюда, как только спадет жара, и раскланялась со стариком. До конца улицы и начала леса оставался один небольшой квартал, и я решила преодолеть его, дойти до деревьев и немного подняться на холм.

Лес дохнул на меня прохладой. Сосны и лиственные деревья сразу накатили на меня мощные волны свежести и покоя. Извилистая тропинка, которая поднималась в горы, была такой чистой, будто ее каждое утро подметали. А может, так оно и было. Ведь я уже поняла, что здесь живут одни патриоты. Если бы дать им волю, они зимой пришивали бы листья к деревьям.

Сверху действительно открывался великолепный вид! Красные крыши, золотой купол маленькой церкви, а на противоположном конце длинной улицы, которую я прошла, возвышалось самое большое здание – владение мсье Паскаля. Меня охватила нешуточная гордость, когда я увидела мансарду с окнами во всю стену! Неужели там, на стеклянном столике, лежит моя расческа? И зубная щетка торчит из мраморного стакана в ванной комнате? Черт возьми, старушка, а ты таки неплохо устроилась! На городской ратуше стали бить часы... Я не заметила, сколько времени простояла на холме среди деревьев. Здесь было так спокойно, так тихо. Где-то высоко-высоко наверху лежал снег, и это было довольно странно. В следующий раз, решила я, поднимусь еще выше, до этого снега. Хотя он порядком надоел мне на родине...

Когда я вернулась в город, он уже снова ожил. Будто задвигалась «живая картинка» в синематографе. У кондитерской за столиками сидели люди, звенели звонки велосипедистов, из открытых окон доносились аппетитные ароматы, в беседках возле домов чаевничали семьи. Все смотрели на меня и приветливо кивали головами. В фонтане со статуей «мсье Паскаля» купались дети, поднимая брызги и веселый шум.

Я пыталась отыскать в толпе горожан знакомые лица тех, кого видела в деревянном бистро, но те, видимо, были «ночными обитателями» или днем работали в столице, до которой отсюда ходил автобус...

Мне было приятно по-хозяйски открыть тяжелую дубовую дверь своего нового жилища. Теперь я наверняка знала, что горожане отнеслись ко мне с должным уважением. Еще бы! Я служу у того, кто основал их славный городок, у самого господина Паскаля. Хотя его каменная мистификация, как по мне, красноречиво свидетельствовала о самой обыкновенной «мании величия».

7

– Нагулялись? – встретил меня на лестнице мсье. – Как вам город?

– Очень красивый. Особенно фонтан! – сыронизировала я.

Мсье Паскаль засмеялся:

– Это не я придумал!

– Надеюсь...

Я спросила, не нужно ли помыть пол в его доме. Честно говоря, этот вопрос прозвучал из моих уст так, будто я предлагала погладить ему шнурки от ботинок после дождичка в четверг (так, помнится, шутили у меня на родине).

– С этим замечательно справляется матушка Же-Же, – сказал он. – Вы мне еще понадобится. Куда торопиться? В прошлый раз я не расспросил вас – о вас. Это моя ошибка. Поэтому пойдем пить чай. И вы немного расскажете мне о себе.

На балкон, увитый диким виноградом, матушка Же-Же принесла на подносе чай. Сквозь густую зелень кое-где проглядывал горный пейзаж.

– Зачем вам знать обо мне, если вы такой мастер моделировать судьбы? – спросила я, вспоминая, как легко он распоряжается будущим посетителей деревянного бистро. – К тому же, в моем «резюме» все написано.

– Признаюсь, я читал его не слишком внимательно. Я вообще не люблю читать документы и всевозможные справки... Вот беседа – совсем другое дело. Пейте чай и рассказывайте.

Чай был ярко-пурпурного цвета с густым малиновым запахом. После прогулки мне очень хотелось выпить чего-то именно такого – вкусного и горячего. Я сделала глоток и сразу размлела.

Мсье Паскаль вопросительно смотрел на меня.

– Если вы не хотите копаться в прошлом, я задам вам вопрос, а вы можете начинать с чего угодно. Мне все равно. Итак, что вы вспоминаете из своего прошлого, когда остаетесь наедине с собой?

Я задумалась...

– Красная пыль... – сказала я, и мсье Паскаль удивленно поднял брови.

– Да... – продолжала я, – красная пыль на улицах моего города, она неслась с металлургического завода. Когда по ней бегала детвора – над дорогой и домами вздымалась пыль, от которой даже крыши и деревья становились красными. Этой пылью девчонки вырисовывали на ногах модные гольфы: окунались в нее по колено, а потом по красному фону пальцем выводили загогулистые узоры...

Даже сама удивилась тому, что вспомнила об этом! Действительно, эта бесконечная терракотовая пыль сопровождала все мое детство.

...Мимо нашего дома (почему-то это происходило ночью) везли на рынок арбузы. А потом всю ночь слышались шлепки – «хлоп-хлоп-хлоп» – это их разгружали и сбрасывали в железные сетки. Вся улица пахла арбузами. Мы воровали арбузы из сетки (открыть ее было несложно!), и каждый из шайки съедал по огромному арбузу, разбивая его об асфальт и погружаясь в мякоть по самые уши.

...Букет пионов на подоконнике в день моего рождения. Мне было пять лет, я стояла в длинной ночной рубашке на холодном полу и держала этот букет. Была уверена, что его принесла фея.

...Дождь. Ливень. Стена воды. Но – теплая. Ни души на улице. Я иду по колено в воде, мокрая, как сама вода. Я подношу руки к дождю и говорю: «Брат, заberi меня с собой!» В струях вырисовывается полупрозрачное лицо. Мне никто не верит...

...Драки – «двор на двор». «Броненосец», построенный из картонных коробок и украшенный крышками от кастрюль, которые мы тайком выносили из дома. Я никогда не была «санитаркой», как другие девчонки. Всегда – в первых рядах, с карманами, набитыми камнями. Я умела плевать на три метра вперед, а бегала так, что меня никто не мог догнать! Драки были жестокие – до «первой крови». А потом победители и побежденные обменивались «пленными» и вместе шли к реке отмывать в ней раскровавленные носы. Потом пекли картошку на берегу и уже в темноте рассказывали истории «о черной руке мертвеца»...

Я уверена, что все эти истории означали для мсье примерно то же самое, что и «хрены собачьи». Выражение его лица было для меня непонятным.

– Печеный картофель – это вкусно? – наконец спросил он.

– Вкуснее всего, что я ела после! – заверила я. – Представьте: сначала картошку надо наворовать! Обычно это происходит поздно вечером. Кто-то стоит «на шухере», а кто-то лезет

в соседский огород... Потом разжигают костер и, когда угли начинают тлеть, – туда кладут картошку. Когда ты выхватываешь ее из золы – твои руки становятся черными, ты перебрасываешь ее с ладони на ладонь. А потом черными становятся и губы, потому что ты не можешь удержаться и ешь ее прямо с кожурой. И вместе с картошкой обязательно нужно хрумкать огурец – тогда полнота жизни ощущается лучше! Такой вот рецепт... Впоследствии ко всему этому добавляется водка... Сигареты... Секс... Мысли о самоубийстве... Но это уже совсем другие истории. Они – неинтересны.

Собственно, у многих людей они похожи друг на друга. Особенно у тех, кто вовремя избавился от «розовых очков»...

Он пристально смотрит на меня. Кажется, я, как говорят китайцы, потеряла свое лицо! Слишком разболталась. Это опять же – от здешнего хмельного воздуха!

...Вечереет, с гор веет густым запахом засыпающих деревьев, а с городских клумб – ароматом ночных фиалок. Все это дурманит. Перед глазами плывут черные и розовые круги. Черное с розовым – очень красивое сочетание... Надо обуздать свои эмоции, ведь с тобой может произойти то же, что с профессором Плейшнером, думаю я.

– Вот такая фигня... – весело заканчиваю свой рассказ. – Теперь мне кайфово везде.

– Не лгите, госпожа Иголка, – говорит мсье Паскаль. – Вы неизлечимо больны. Извините, но говорю так потому, что слишком хорошо вас понимаю. У меня есть еще один вопрос: почему вы решились на *такой* шаг?

Предпоследнее слово он произносит с особым нажимом. Я пожимаю плечами.

– Собственно, у меня была возможность сделать такой же, только в *другую сторону*, – делаю акцент я на последних словах. – Могла бы жить на берегу океана, например... Но это скучно – зависеть от чьих-то кредитных карточек. Лучше иметь свою.

– То есть?

– Ну... Однажды у меня была реальная возможность зажить прекрасно. Один милый человек предложил мне райскую жизнь – на таком вот берегу океана. И я почти согласилась. Он был счастлив.

– И что? – Глаза мсье Паскаля стали совсем как у мальчишки.

– Ну... Я выставила уйму разных условий.

Я сказала, что должна забрать с собой собаку.

«No problem!» – сказал он.

Я сказала, что не проживу без трех своих подруг.

«No problem!» – сказал он.

Я сказала, что не могу оставить без присмотра могилы своих близких.

«No problem!» – сказал он.

Тогда я сказала, что хочу забрать дерево, растущее под моим окном, и, желательно, именно тех воронов, что слетаются к нему, несколько тонн красной пыли с нашей улицы, троллейбус с номером 48, вывеску хлебного магазина, на которой нарисованы кривые бублики...

Дерево он обещал выкопать и пересадить.

Воронов – поймать и оформить на них необходимые для перевозки справки.

Пыль – загрузить в специальные контейнеры.

Троллейбус выкупить у депо, вывеску – у директора магазина.

Я потеряла терпение. И добавила к тому списку церковь, в которой меня крестили, дорогу, на которой бабушки продают жареные семечки (с этими бабушками в придачу). И наконец – ту долгую зиму, которую я так ненавижу...

Когда он задумался, я поняла, что он совсем не понимает юмора!

И вообще – ничего не понимает.

А как жить с человеком, который все время твердит – «No problem»? Лучше обзавестись попугаем мужского пола и научить его материться!

– Ну... – произнес мсье Паскаль, почти копируя мою интонацию, и глаза его оставались мальчишескими. – Я думаю, госпожа Иголка, вы его просто не любили...

Ха! Для этого умозаключения совсем не нужно иметь такую вот седую бороденку, огромный дом и строить из себя мецената.

Приличия ради я послушно покачала головой.

Потом мы долго молчали. Похоже, с полчаса. Передо мной в белесой дымке проплывали черные и розовые геометрические фигуры. Мсье Паскаль курил трубку. Где-то глубоко внизу, под нами, тишину нарушал металлический звон. Будто в подвале пытали заключенных. Я вспомнила, что на нижнем этаже находится кухня. Приближалось время ужина, и там, под нами, матушка Же-Же действительно пыталась уже ошпианные птички тушки, чтобы приготовить цыплят табака.

– Сегодня у меня будут гости, – серьезно произнес мсье после паузы. – Так, несколько приятных людей. Маленькое, почти семейное party... Надеюсь, вы не откажетесь наливать нам вино?

Интересно, подумала я, как я могу отказаться? Учтивость моего хозяина явно зашкаливала. Если он всю жизнь был таким обходительным с прислугой, не сомневаюсь, что все они уже обзавелись собственными именами где-нибудь в Йоркшире...

8

...Никто, никто не сравнится
с ней!
В любой компании она – самая веселая,
у нее самые остроумные шутки,
все,
все,
все наблюдают, как она
пьет вино, держит сигарету,
танцует...
Она умеет говорить одними глазами –
они такие, что слова – излишни.
Она смеется. Она звенит браслетами.
Ее юбка как флаг.
У нее есть друзья и
совсем,
совсем,
совсем
нет врагов!
Теперь она знает, сколько людей
придут к ней!
Не один и не два...
Они придут...
Они обязательно придут к ней!
Даже в холодную зиму и в ливень...
Она смеется. Ей весело.
И никто не догадывается, что она
у-ми-ра-ет...

Я подпеваю. Голос, звучащий по радио, очень похож на голос Патрисии Каас, но это не она. До ужина остается час, и я с наслаждением погружаюсь в джакузи, чувствую приятное бурление пузырьков. Кажется, что тебя щекочут тысячи легких пальчиков. Голубой кафель, цветочный запах пены, стеклянная стена, через которую я вижу вершины гор... И эта проникновенная музыка...

Вдруг обнаруживаю странную вещь: такое со мной уже было! Там, откуда я приехала. Но у меня же не было такой чудной ванны! А порой и горячей воды... Что же тогда?! Я напрягаю память. Помню, что это был сон или видение: я лежала на диване в своей комнате под одеялом в холодной темноте и в то же время – нежилась в такой же ванне с голубым кафелем и запахом цветов. *Нынешняя ситуация в реальности была самой большой матрешкой, в которую вкладывалась меньшая: воспоминание о том, что я сплю в своей комнате, а эта меньшая таила в себе самую маленькую – сновидение об этом городке, этой роскошной комнате и этом джакузи.* Если бы из этого наблюдения можно было вывести некую формулу, подумала я, то получается, что самая маленькая матрешка равна самой большой? А средняя – лишь звено между ними?

Хотя именно эта средняя и есть самая что ни на есть реальность: холодная комната, тяжелое одеяло, луна светит в окно, чувство безысходности, когда не слышишь никакого «тик-так» ни в сердце, ни со стены на кухне... Кто всем этим управляет?

А вдруг... я сейчас открою глаза и увижу холодную луну за покрытым инеем окном? От этой мысли мне стало жутко, и я больно ущипнула себя за икру. Ни фига! Голубой кафель не сдвинулся ни на сантиметр, а вездесущие щекочущие пальчики стали еще бесстыднее.

Значит, надо вылезать, одеваться и идти прислуживать за столом.

Перед самым моим выходом матушка Же-Же проинструктировала меня, как нужно разливать вино. В принципе, я об этом кое-что знала из фильмов. Сначала наливают хозяину – совсем немножко. Тот должен сделать глоток и кивнуть головой. И тогда уже наливают остальным. Все, как в ресторане.

– А если он не кивнет? – спросила я кухарку и заметила, что этот вопрос заставил ее напряженно таращить глаза. Бедняжка думала несколько секунд.

– Тогда... – наконец сказала она. – Тогда спуститесь ко мне – я вам дам другую бутылку... Хотя вряд ли такое может быть. Все вина в нашем подвале – высшего качества.

– А если сюда пробрался какой-то маньяк и шприцем через пробку впрыснул в бутылки яд? – не унималась я.

– А разве такое бывает?!

– Конечно. На каждом шагу! Вы что, телевизор не смотрите?

Мне просто хотелось потянуть время. Все же это будет мой первый выход, можно сказать, посвящение на этой работе. Не могу сказать, что я не волновалась.

– Я передам о вашем предостережении мсье, – серьезно сказала матушка Же-Же. – Хотя в таком случае вино сначала придется пробовать вам...

Какие чуткие люди живут в этом доме, подумала я.

И пошла вниз, в зал.

9

...Изо дня в день... Из года в год...

«Изо дня в день, из года в год...» – вертелось в моей голове, пока я шла по лестнице.

Что я делала изо дня в день – из года в год? Просыпалась по звонку будильника, позже – мобильного телефона, запрограммированного на семь часов утра.

Шла на кухню, включала чайник.

Пила кофе.

Шла в ванную.

Открывала шкаф (заглядывала в него с синдромом «Боже, мне нечего надеть!»). Одевалась.

Садилась перед зеркалом.

Красила ресницы.

Зевала.

Закрывала дверь.

Шла на маршрутку или автобус. Стояла в очереди. Под дождем, снегом или солнцем. Пересчитывала деньги в красном кошельке... Конечно, порой что-то менялось в этом распорядке. Но «будильник – чайник – шкаф...» оставались со мной. Жизнь сгорала, как спичка...

...Я поглаживала полированные деревянные перила лестницы и вдруг мне пришло в голову, что ко мне уже давно никто не прикасался...

Перед дверью, ведущей в обеденный зал (тот самый, в который я потом входила по утрам прислуживать мсье Паскалю), матушка Же-Же сунула мне в руки поднос с вином и распахнула дверь, за которой слышался легкий светский гомон.

Вот именно тогда на меня и накатило то ощущение – о проникании в другое измерение. Во всех углах зала мерцал тусклый свет, в островках этого света, словно по грудь в воде, стояли несколько человек и ворковали, как голуби. Я была инородным предметом, который неизвестно каким образом очутился среди разнаряженной толпы.

– Вот и вино! – указывая на меня, сказал мсье Паскаль.

Да, я была вином. Оно само пришло к вашим пустым бокалам. Мне оставалось лишь открутить себе голову, поклониться в реверансе и разлиться по ним.

Все стали усаживаться за стол.

Людей было немного. Я наблюдала за ними, пока они рассаживались. Конечно же, встретила взглядом с Иваном-Джоном...: «В окружении мсье Паскаля, этого чудака и отшельника, мне встретила хорошенькая славянка. Несмотря на то что мы не сказали друг другу ни слова и я вел себя довольно пристойно, меня не покидала мысль о том, какого цвета ее белье...»

Была тут и та худощавая темноволосая женщина. Только теперь ее волосы были тщательно уложены мелкими волнами, что не делало ее красивее (она не показалась мне привлекательной). Но ее глаза с легкой косинкой излучали то, что я бы назвала похотью. Губы были накрашены такой яркой помадой, будто она только что вгрызалась в окровавленную тушку добытой на охоте дичи.

Был тут паренек, который в бистро сушил у огня свои кроссовки. Он не сменил этой обуви (может, просто у него ничего другого не было) и поспешил сесть за стол, чтобы скрыть ноги под длинной скатертью. Был еще один (его я прежде не видела) – нервного вида господин лет тридцати пяти, с острым носом и пронзительным взглядом. Он двигался, как марионетка. Кто-то наверху бестолково дергал его за конечности. Был и тот, кого мсье назвал Федом. Выражение его страстного смуглого лица красноречиво говорило: «Женщинам без целлюлита не приближаться!»

Была еще одна незнакомка в блестящем платье, плотно облегающем фигуру и похожем скорее на купальник.

Мне бы очень хотелось увидеть и тех музыкантов, но они, видимо, пока не были вхожи в это общество.

«Вино» довольно изящной походкой прошлось вдоль гостей, которые заправляли салфетки за свои воротнички, и приблизилось к хозяину. Все произошло так, как я и предполагала, то есть – как в кино. Мсье Паскаль кивнул головой – и я начала обходить гостей. Женщины смотрели на меня с не меньшим интересом, чем мужчины.

– Она *оттуда* или *отсюда*? – спросила хищница.

– Оттуда, – ответил мсье Паскаль.

– Представляю, как трудно было решиться на такой шаг... – сочувственно заметила другая женщина.

Ее голос показался мне знакомым, но я не могла сосредоточиться на этих мелочах – как раз в этот момент наливала вино в бокал Ивана-Джона. Он следил за моими руками и молчал. И тут я вспомнила, как скользила пальцами по гладким перилам. И подумала о другом – о том, что я и сама давно ни к кому не прикасалась.

Когда вино было разлито, я вопросительно посмотрела на хозяина: что дальше? Он улыбнулся и указал глазами на свободное место – там стояла лишняя тарелка.

– Присаживайтесь. Вы так хорошо накормили нас в прошлый раз, что имеете полное право присоединиться к нашему обществу. Я всегда был против эксплуатации человека человеком. Я – за равноправие. Привыкайте.

Хорошо, что я не надела белый фартучек, который предлагала кухарка, подумала я и скромненько пристроилась на краешке стула рядом с Джоном. Вынула из серебряного колечка белую крахмальную салфетку.

Не люблю, ненавижу и не понимаю: как можно два часа провести за столом, привселюдно есть и при этом – вести светские разговоры! Возможно, это мое отвращение – следствие давнишнего случая, когда мой кавалер, рассказывая что-то смешное (мы сидели в ресторанчике), прыснул мне на блузку ингредиентами салата «Мимоза». После этого я с ним не встречалась. А еда была мне по вкусу только тогда, когда я сидела по-турецки перед телевизором, поставив между ногами тарелку, а рядышком – бутылку «Белого нефильтрованного»...

Но ничего не поделаешь! Действительно нужно привыкать. И ни в коем случае не возить пальцами по ножке бокала. Это, насколько мне известно из правил этикета, неприлично! Кое-что об этом я знала из дамских журналов. Но в ожидании тоста или хотя бы какой-то команды хозяина я полировала хрустальную поверхность бокала с таким вдохновением, что Иван-Джон не отводил от этого магического действия глаз.

Сейчас он скажет то, что я слышала множество раз во всяческих интерпретациях, – что-нибудь о моих пальцах и запястьях. Все это у меня довольно тонкое, но проворное и цепкое – с такими способностями я бы, пожалуй, могла быть неплохой дояркой, ударницей труда. Я поймала его взгляд и улыбнулась. И подумала примерно так...

Не говорите, пожалуйста, ничего! Достаточно этого взгляда.

Достаточно взгляда, чтобы ощутить резонанс вибраций.

Ощутить резонанс вибраций, которые совпадают, входят друг в друга.

Входят и вибрируют воедино даже на расстоянии.

Даже на расстоянии, когда люди сидят на противоположных концах стола.

На противоположных концах стола, или – берегах океана, или – в разных уголках мира...

И даже тогда, когда один из них превращается в дождь...

– Позвольте, я вам что-нибудь положу? – сказал Джон.

Я обрадовалась. И моя тарелка спустя миг превратилась в развалы всяких вкусовостей. Что дальше?

В полной тишине все подняли бокалы, выпили и начали наворачивать вилками. Скука, подумала я, лучше бы мне сейчас лежать у себя наверху и щелкать пультом телевизора... Здесь была слишком напряженная атмосфера. Я заметила, что женщина в блестящем платье недовольна моим присутствием.

Мсье Паскаль сделал наконец последний глоток и взглянул на меня.

– Вот так мы проводим вечера, госпожа Иголка.

(Довольно скучно, подумала я.)

– Но чтобы как-то разнообразить общение, – продолжал мсье Паскаль, – мы играем. В игру под названием – «На выход!» Это интересная и увлекательная игра. Надеюсь, она вам тоже понравится.

Затем он обратился к обществу:

– Госпожа Иголка с нами впервые, и поэтому считаю необходимым еще раз пояснить правила. Итак, вы, наверное, заметили, какой здесь длинный стол? За ним может поместиться сотня человек. В начале игры примерно так оно и было... Все скучали в нашем маленьком городке, он всегда был пропитан атмосферой ожиданий. Самых разных. Кто-то мечтал забеременеть. Кто-то – уехать в другие края, кто-то – сделать карьеру или обрести мировую славу, а кто-то... и банк ограбить. Люди такие странные. Им всегда чего-то недостает, чтобы осуществить свои намерения – смелости, приказа, денег, веры... И поэтому многое в их жизни не происходит. А это, согласитесь, довольно-таки обидно. Суть нашей игры в том, что мои уважаемые гости, собираясь здесь из года в год еженедельно, путем жеребьевки выбирают того, кто должен покинуть наше приятное общество и сам город. Чтобы воплотить все свои намерения. Суть этих намерений мы определяем все вместе. И, кстати, еще ни разу не ошиблись...

– Благодаря вам, мсье Паскаль! – сказала темноволосая женщина, вставляя в мундштук длинную сигарету.

Мой хозяин щелкнул зажигалкой, поднес ее к лицу дамы и улыбнулся:

– Просто я дольше всех живу на свете... Кое-чему научился. По крайней мере, разбираться в человеческих способностях...

Он снова повернулся ко мне:

– Так вот. Там, – он указал на круглую, похожую на аквариум, вазу, стоявшую на мраморной полке над камином, – лежат стеклянные шарики. Все они одинаковы. Кроме одного – в нем есть небольшое вкрапление в виде черной розы. Готовясь к очередному ужину, я заказываю такой новый шарик у столичного стеклодува. Ведь тот, кто вытащит этот жребий, забирает его с собой. На счастье...

(«Амулет Паскаля...» – прошептал мне на ухо Иван-Джон.)

– ...и выбывает из игры.

Я пожала плечами:

– И что дальше? Что с ним происходит?

– М...м...м... – замычал старый мсье. – То, что мы ему здесь пожелали. По принципу морфогенного резонанса...

(«Это теория доктора Руперта Шелдрейка... – опять прошептал Иван-Джон, видя мою полную неосведомленность. – То, что мы смоделируем здесь, – повторится где-то там... Морфогенный резонанс – повторение подобных процессов...»)

Какие остроумные и веселые люди, подумала я, другие бы на их месте начали рыть канал, строить электростанцию, поворачивать реки вспять или искать под заборами своих коттеджей нефть. А эти сидят себе, ужинают, не вредят природе, не загрязняют окружающую среду... Развлекаются, как умеют.

– Понятно, – кивнула я головой. – Все понятно. Меня волнует одно, господин Паскаль: моя роль в этом развлечении.

– О, вы будете разносить шарики. Вот и все.

Я недоверчиво посмотрела на него:

– Все?

– Пока да. Но вы можете присоединиться к нам. Конечно, если пожелаете...

Для меня это означало одно: в любой момент я снова могу очутиться на улице. Даже если это сборище придурков нагадает мне стать шейхиной Брунея! Если у всех у них есть деньги, почему бы не пофантазировать, почему бы не вырваться из этой глухого угла. Но что касается меня – дудки! Не такая я дурочка.

– Спасибо, – сказала я, – за приглашение. Я подумаю над этим интересным предложением... Можно приступить к выполнению своих обязанностей?

– Да, пожалуйста, – кивнул мсье Паскаль. – Берите аквариум. Вы готовы, господа?

Все дружно закивали головами, хотя я почувствовала, что атмосфера стала более напряженной.

Ну и ладно! Я взяла аквариум с шариками и вопросительно посмотрела на хозяина.

– Начинайте с конца стола, – сказал он. – Кажется, Джон, вы жаловались, что засиделись в наших краях... Итак, вы – первый.

С аквариумом в руках я направилась к своему соседу. Вид у него был не слишком веселый. Он посмотрел на меня. Я вспомнила, как мы танцевали...

Иван-Джон отвернулся и запустил руку в аквариум, зажал шарик в руке, а потом, так же глядя мне в глаза, медленно раскрыл ладонь. На этот раз отвернулась я.

– Прозрачный! – наконец воскликнул он.

Странно, в его голосе было столько радости, что я усомнилась в страстном желании каждого из присутствующих вырваться отсюда.

Длинноносый нервный господин был следующим, он с удовольствием запустил руку в судьбоносный сосуд и с немалым разочарованием сообщил обществу то же самое:

– Прозрачный...

«Переводчик Шекспира» в старых кроссовках чихнул, извинился, выпустил шарик из рук, полез за ним под стол. И известил оттуда:

– Прозрачный.

Раскосая хищница с безразличным видом сунула свою лапку в аквариум.

– Аналогично! – сказала она, затягиваясь сигаретой и выпуская дым чуть ли не мне в лицо.

– Если никому не повезет, будем тянуть по второму кругу! – сказал мсье Паскаль.

Но мне не пришлось начать этот «второй круг», спустя миг женщина в блестящем платье захлопала в ладоши и воскликнула:

– Амулет!

На ее ладони лежал шарик с маленьким черным цветком внутри.

Мне стало очень интересно: что же дальше?

– Ну вот, Вероника, – улыбнулся мсье Паскаль, – вы и дождались своего часа!

– Поздравляю, Вероника, – подхватил Иван-Джон.

И все пришли в движение, потянулись чокаться своими бокалами к женщине, будто она была именинницей. Она смеялась. Потом встала из-за стола и пропела несколько строчек из песни а капелла. Она пела, закрыв глаза, я видела, как вибрируют ее губы, а гортань переполняют какие-то дивные звуки, которых, как мне показалось, нет в природе... Голос был довольно сильный, с широким диапазоном. Я даже не заметила, что с удовольствием отбиваю такты ногой.

А уже потом вспомнила, откуда знаю этот голос! Это он доносился из радио сегодня поутру:

Никто, никто не сравнится
с ней!

В любой компании она – самая веселая,
у нее самые остроумные шутки.

Все,

все,

все наблюдают, как она
пьет вино, держит сигарету,
танцует...

Она умеет говорить одними глазами –
они такие, что слова – излишни.

Она смеется. Она звенит браслетами.
Ее юбка как флаг!

10

Наконец певица открыла глаза. Они подозрительно блеснули. Бросила салфетку на стол и довольно пошлым жестом отерла указательным и средним пальцами уголки губ, которые раскрыла так, будто произносила букву «о». Этот жест совсем не подходил к тому образу, в котором она находилась минуту назад...

– Ну и чего же мне от вас ждать? – спросила она, окинув взглядом участников застолья. А я удивилась тому, какими разными были эти люди.

Если это общество «избранных», неких «сливок общества» местного разлива, разве могут они быть такой неоднородной массой? Эта вульгарная красотка в платье-купальнике, этот остроносый нервный господин, душка Фед в простой клетчатой рубашке, косоглазая «хищница-вамп», будущий литературный гений Иван-Джон, голодранец в рваных кроссовках... Паноптикум! Что их объединяет? Разве что скука маленького городка и неординарная личность хозяина. А может, мсье Паскаль – просто безумный богач или одинокий чудак.

– Ну? – нетерпеливо сказала Вероника. – Чего ждать от себя, я знаю...

– Ваше слово, господа! – поторопил общество мсье Паскаль. – Начнем с конца. Опять с вас, Джон.

– Думаю, здесь все понятно, – сказал тот. – Вероника хочет петь. Это просто, как дважды два.

– Да, – скривила губы «хищница». – Но сначала она хорошенько вывалится в дерьме...

– Это уже интереснее, – оживился мсье. – Объясните свои соображения, госпожа Галина.

(О, с немалой долей злорадства подумала я, эта роскошная мадам имеет довольно заурядное имя!)

Госпожа Галина снова устала в длинную сигарету и насмешливо прищурилась.

– Что тут скажешь – все написано на лице... Девочка из бедной семьи и с такими наклонностями должна иметь клыки... Эти клыки должны отрасти. Для этого надо поточить дерево, железо, перегрызть несколько глоток, покувыркаться на грязных простынях, бросить в толпу свою плоть... Это – цена славы, богатства и одиночества! Все это придет к тебе, Вероника!

– Что скажете вы? – мсье Паскаль обратился к нервному долгоносику.

Тот будто очнулся от глубокого сна, пожал плечами.

– Я не тружусь на преходящее... Я в этом не разбираюсь. Но если нужно мое мнение... Не смешивайте мак с коноплей, Вероника. Не занимайтесь самодеятельностью, не пишите книг, не рожайте детей. А еще... не носите жемчуг...

Он еще бормотал что-то невнятное, пока его не перебил Фед:

– Не слушай его, Вероника! Я вижу тебя посреди огромной площади... Ты получаешь то, чего заслуживаешь: энергетику толпы. Я прекрасно представляю тебя в роскошном дворце, который ты приобретешь, когда устанешь от этой энергетики. Вокруг тебя полно людей... Они растаскивают твою жизнь по нитке, каждая из которых – золотая. О тебе напишут примерно такое... – Он задумался и довольно артистично сделал вид, что держит в руках газету: – «...Она меняет прически и наряды, цвет волос и любовников так часто, что это не укладывается в головах среднестатистических обывателей. Никогда не угадаешь, какой она появится в следующий раз – ангелом или демоном, женщиной-вамп или застенчивой школьницей... Она шокирует. Несомненно, она – красивая, талантливая и достигнет колоссального успеха...»

В конце тирады он сделал вид, что комкает газету и бросает к ногам своей визави. Та восторженно захлопала в ладоши:

– Bravo, bravo! Ты настоящий друг!

– Но сначала – дерьмо, дерьмо... Полными ложками... Куча дерьма! Гималайские горы отборного вонючего дерьма... – беззлбно пробормотала «хищница» и обратилась к переводчику: – А вы чего молчите?

– Да, да, – спохватился и засуетился он. – Собственно, я, как и господин Никола, не очень различаю ноты. Особенно в современных интерпретациях... Я вижу Веронику, которая пишет книги для своих многочисленных чад. Собственно, для этого не обязательно покидать городок. Она могла бы петь во время наших праздников...

– Какого черта! – воскликнула женщина и выдала такую высокую ноту, что на столе вдребезги разлетелся бокал. – А такое вы видели?!!

Все засмеялись.

– А что скажете вы, господин Паскаль? – обратилась Вероника к хозяину.

Наступила тишина. Я тоже затаила дыхание.

– Все присутствующие правы. Вы должны прислушаться к каждому, – сказал мсье Паскаль. – Я могу добавить лишь то, что, покинув наш город, вы возьмете себе псевдоним. Он будет связан со святостью... Вы проживете долго. Ваш псевдоним вас спасет. Лишь бы вы правильно его выбрали...

– А разве вы мне не подскажете?

– Нет. Вы найдете его сами... И еще. Вы должны уехать с одним чемоданом и тридцатью пятью долларами в кошельке...

Вероника покачнулась и уронила бокал, который держала в руке, себе на колени. Наверное, со мной бы случился такой же шок. Я, как добросовестная прислуга, поспешила подскочить с места, подхватила Веронику под руку и повела в уборную, чтобы замыть пятно.

– Тридцать пять долларов... Тридцать пять... – бормотала она, пока мы шли через зал к двери. – Что можно купить на эти сраные тридцать пять долларов?..

Как побитая собака она оглянулась на общество и с надеждой произнесла:

– В прошлый раз вы дали сэру Генри десять тысяч! Это несправедливо...

– Генри давно проиграл все это в казино, – спокойно ответил мсье Паскаль. – Сейчас у него осталась такая же сумма, которую я предлагаю вам... А вы должны поступить наоборот. Если, конечно, чего-то стоите. Проводите ее, госпожа Иголка, дайте что-нибудь из вашего шкафа – кажется, у вас одинаковый размер, – я потом компенсирую...

Пока мы шли по лестнице, Вероника молчала и только растерянно качала головой, мне пришлось все время поддерживать ее. Еще бы! По крайней мере, в моем кошельке перед этой поездкой была заметно бо́льшая сумма, чем та, которую предлагал мсье Паскаль. Я ее прекрасно понимала. Мы зашли в уборную.

– Не переживайте, – сказала я. – Вы не обязаны придерживаться правил этой дурацкой игры. В конце концов, останьтесь тут или займите деньги у друзей...

Она отшатнулась и бросила презрительный взгляд в мою сторону, словно увидела впервые:

– Что ты в этом смыслишь?! Кто ты такая? Прислуга! Сучка драная! Дешевка!

Бесспорно, она погорячилась... Потому что в тот же миг оказалась в дальнем углу уборной, а к ее фигурно вырезанным краям модного платья прибавилась парочка незапланированных оборок. Она с трудом поднялась на своих высоких каблуках. Ноги у нее были такие длинные, что она путалась в них, как кузнечик. Ладонями она скользила по скользкому кафелю. Короче говоря, ее вставание с пола называлось «Переход Суворова через Альпы». Я подошла и вежливо помогла ей. Она поднялась, будто ничего не произошло, – свежая и веселая. Я хорошо знала такой тип женщин. Обычно с ними начинаешь дружить после того, как слегка испортишь им прическу.

Она оборвала подол платья, обтерла им потное лицо, и мы обе рассмеялись.

– В конце концов, – сказала она, – мсье Паскаль никогда не ошибается...

Она достала из своей маленькой сумочки, болтавшейся на запястье, целлофановый паке-
тик, кусочки папиросной бумаги и элегантное устройство для скручивания сигарет.

– Косячок забьем? – миролюбиво спросила она, садясь на подоконник.

Я подумала, что это никак не входит в правила моего проживания в этом доме. В любую минуту сюда могла прийти матушка Же-Же с чистыми полотенцами и комплектом белья, кото-
рое я попросила принести. И если Вероника была здесь частым гостем, то в отличие от нее я
не знала, что мне позволено, и на всякий случай категорически закачала головой. Она не наста-
ивала. Опытными движениями насыпала на бумажку травку, скрутила сигаретку, шелкнула
зажигалкой и, затягиваясь, прикрыла глаза.

– «Не смешивать мак с коноплей» – относится к этому? – улыбнулась я, вспомнив настав-
ления того, которого звали Николой.

– А! Этот чудака вообще ни в чем не разбирается, кроме своей физики, – махнула рукой
Вероника.

Я видела, что она окончательно успокоилась.

– То, что сказали о вас гости, – правда? – спросила я.

– Что именно?

– Ну, что вы из... малоимущей семьи.

– О, это все так неинтересно! Правда, правда. У моего отца шестеро детей, я – старшая.
Мать умерла, когда мне было пять лет, и я ее совсем не помню. Мне надоела такая жизнь.
Если бы не мсье Паскаль, я бы тут с ума сошла! А теперь совсем другое дело – скоро меня
здесь не будет! Плевать на деньги. Есть куча способов их заработать.

Она красноречиво повела бедрами. Мы снова рассмеялись. В уборной уже основательно
пахло травкой...

В дверь постучала матушка Же-Же, и я взяла у нее пакет с одеждой.

– Ну вот, можете переодеваться. Не помешаю... Вы еще выйдете к гостям?

– Нет. Нет... – серьезно сказала Вероника. – Прощание будет слишком грустным. А я
не люблю ничего грустного. Они об этом знают. Чао-чао!

Я внимательно посмотрела на нее.

– Ждешь совета? – спросила она. – Попробуй когда-нибудь сыграть... – Она подбросила
на ладони стеклянный шарик, схватила его и сунула себе в бюстгальтер. – Хоть сейчас! Скажи,
что думаешь ты.

– Думаю, что у вас удивительный голос, – сказала я. – Когда я слышала его по радио,
подумала, что так может петь только настоящая звезда!

Вероника присвистнула, вытаращила глаза и покрутила пальцем у виска:

– Ты с ума сошла? У меня не было ни одной записи! Это стоит безумных денег! К тому же,
это был экспромт, а не песня... Так, набор слов...

Кстати, я тоже жутко упрямая и поэтому, поднатужившись, кое-как пропела то, о чем
шла речь дальше:

– У нее есть друзья и
совсем,
совсем,
совсем
нет врагов!
Теперь она знает, сколько людей
придет к ней!
Не один и не два...
Они придут...

Они обязательно придут к ней!
Даже в холодную зиму и в ливень...
Она смеется. Ей весело.
И никто не догадывается, что она
у-ми-ра-ет...

– Бред! – воскликнула Вероника. – Но теперь я уверена: тебе стоит сыграть! Ты девочка с безграничной фантазией. Или... Или с большими тараканами в голове. Понимаю, почему мсье Паскаль выбрал тебя. Это в его стиле. Все, до свидания!

– До свидания...

А что я могла сказать?..

Вероника вышла из уборной в моем черном платье, которое сидело на ней великолепно. Неужели так же оно сидит и на мне, с удивлением подумала я...

– Я – диктатор, – говорил мсье Паскаль, когда я вернулась к застолью. Говорил с улыбкой. Когда он так улыбается, его слова кажутся полнейшим абсурдом. – Да, я – диктатор по своей сути. Если бы я не был хорошо воспитанным и вежливым, я бы силой заставил человечество быть счастливым! К этому надо приучать, как приучают котенка ходить в ящик с песком. Сначала тычут его носом в кучку, которую он наложил на паркете, а потом бросают в коробку с теплым мягким песочком... Он чувствует разницу и...

Увидев меня, он прервал свою речь и встал из-за стола:

– Что ж, господа, мы поиграли. Мне пора спать, я человек немолодой. А вы продолжайте веселиться. Налейте всем по последней, госпожа Иголка!

Я снова принялась обходить публику и разливать вино. Место Вероники оставалось пустым, но я наполнила и ее бокал. Кажется, всем это понравилось...

Мне было неловко оставаться в этом обществе без старого мсье, и, когда он вышел, кивнув всем головой, поспешила спросить, нужна ли им моя помощь, не могу ли я тоже покинуть их приятное общество. Кажется, всем это было безразлично. Кроме Ивана-Джона. Он тоже засобирался вслед за мной. Мы выпили «по последней». Я почувствовала, что с меня хватит... Ивану пришлось взять меня под локоть. Так вот мы оказались на улице под деревьями.

– Как понимать то, что здесь происходит? – спросила я, прижимаясь к стволу.

– Просто, – сказал он. – А разве здесь что-то происходит? – Он обвел рукой темное пространство двора. – Здесь покой. Этот городок вроде перевалочного пункта... Никто из тех, кого вы сегодня видели, не собирается похоронить себя под этими деревьями. И мсье Паскаль это прекрасно понимает. Я пока что преподаю в местной школе литературу...

– Пока не возьмете свой шарик? – улыбнулась я.

– Да, – тихо ответил он.

– Разве можно относиться к этому серьезно? А если бы старый мсье предложил вам «русскую рулетку», вы бы тоже согласились?

– Не знаю...

Я уже едва держалась на ногах и стала медленно съезжать вниз по стволу. Мне очень хотелось лечь на аккуратно подстриженный газон. Иван-Джон подхватил меня под мышки.

Мы целовались.

Так долго, что в какой-то миг я заметила на небе тонкую розовую полоску... Не помню, как я очутилась в своей комнате. Совершенно не помню. Возможно, мы оказались там вместе?

Но когда утром я придиричиво осмотрела свою кровать, обнаружила, что вторая подушка оказалась несмятой...

11

...Я вру, вру.

Почему я все время вру? Прежде всего – самой себе? Почему я стараюсь выглядеть циничной, саркастичной, почему я смотрю на мир так, будто нахожусь «под кайфом»? Собственно, так вело себя большинство из моих знакомых. Хотя под опущенными рукавами их рубашек были скрыты следы от порезов. Метафорических или настоящих. Не имеет значения!

Я прекрасно помню, что было дальше...

Меня сбила с пути добродетели и одиночества музыка.

...Он попросил разрешения поставить свой любимый диск. Собственно, если бы не это – летел бы он ко всем чертям (Господи, опять вру! Оторви мой язык и брось его собакам...)! Так вот, я разрешила. Он достал из внутреннего кармана пиджака диск, нажал на кнопку...

Признаюсь: та мелодия, о которой я говорила, что это моя тайна, – музыка Мишеля Леграна «Шербурские зонтики». Впервые я услышала ее, когда мне исполнилось семь лет.

...Он поставил именно ее.

И меня понесло вспять.

Туда, где идет дождь и маленькая девочка мечтает о большом черном зонтике.

О городе с настоящей тысячелетней мостовой, о которую ломают тоненькие высокие каблочки девушки в модных «газовых» платках.

Где почтальон развозит письма на велосипеде.

А на окне цветочной лавки висит клетка с попугаями-неразлучниками.

Где все здороваются друг с другом. Но вместо «Добрый день» или «Здравствуйте» – говорят: «Доброго здоровья!»

Где смешаны воедино сны и реальность – так, что их не разъединить.

Я улетаю...

Под эту мелодию я всегда плачу. Даже если мои ладони минуту назад были сжаты в кулаки. Вот он и воспользовался именно таким моментом...

Но – откуда он об этом знал? Почему на диске – именно эта мелодия...

Еще было странным то, что утром вторая подушка оказалась несмятой.

Но неизвестно почему у меня появилось хорошее настроение. Точнее – не настроение, а некая внутренняя эйфория. Господи-твоя-воля: я живу в замечательном месте, в собственной упакованной по полной программе комнате, у меня чудак-хозяин и круассаны на завтрак, я дышу лесом и горами, слушаю музыку, а вчерашний вечер принес мне интригу, которая, кажется, наконец не замешана на том, что на родине я называла «любовь-кровь-морковь»...

Вдруг я поняла, что впереди – чудесные дни! К ним нужно долго идти – крушить лед, как ледокол. Очень часто я представляла себя именно таким ледоколом. Размышляла над тем, каким образом эти плоды человеческой мысли нарушают девственность Антарктической пустыни, какие винты расположены под их элегантным брюхом? Попадают ли под них глянцево-нерпы, серебристые косатки и забавные пингвины? Оплакивает ли металлическое сооружение свои случайные жертвы, клянет ли капитана?..

...Одним словом, я проснулась счастливой. Кстати, едва ли не самое главное условие, ради которого стоит жить: просыпаться с улыбкой...

В комнату тихо входит матушка Же-Же, она несет поднос с большой чашкой кофе с молоком и круассанами. (Собственно, именно с этого дня она стала приносить мне завтрак в комнату.)

– Я прошу прощения, – говорит матушка, – но так велел мсье Паскаль.

Она ставит поднос на кровать и с подозрением оглядывает ее вторую половину. Видимо, что-то слышала ночью...

Она еще не вполне доверяет мне, не целиком и полностью симпатизирует. Я для нее – чужестранка. Возможно, она бы предпочла видеть на моем месте свою дочь.

– Спасибо, – говорю я и, чтобы не молчать, спрашиваю: – Какая погода сегодня?

– У нас всегда хорошая погода, – говорит матушка Же-Же и не торопится уходить. Ведь это нормально, когда две служанки пускаются в разговоры.

– Как вы спали? – наконец продолжает она утреннюю «светскую беседу».

– Спасибо, – снова говорю я. Собственно, я уже поняла, что здесь некоторые вопросы, типа «Как ваши дела», не предусматривают подробного отчета. Это немного раздражает. Ведь там, у себя, я привыкла, что в ответ можно начать долгую историю со дня своего рождения. Некоторые, обрадовавшись вниманию к своей персоне, даже сообщают о консистенции утреннего стула.

– А вы? – спрашиваю я.

– Спасибо, – отвечает матушка Же-Же.

Я вижу, что ей невтерпеж кое-что разузнать. Я даю ей эту возможность. Быстренько отхлебываю из чашки и говорю:

– Вы варите превосходный кофе!

– О да! – радуется кухарка. – Это по древнему египетскому рецепту, с кардамоном. Я вас научу.

Пауза. Потом она решает продолжить разговор:

– Можно спросить, почему вы забрались в такую даль?

О, конечно же, можно, думаю я. И молчу, удивленно и чуть растерянно поглядывая на женщину.

Я напрягаюсь, и чашечка дрожит в моих пальцах. Вдруг понимаю, что не знаю, как ответить на этот вполне приличный случаю вопрос. Если бы я плыла на океанском лайнере, приобретя путевку на кругосветный круиз, я бы ответила, что «долго работала-устала-и-решила отдохнуть».

Я поймала себя на мысли, что вовсе не знаю, ПОЧЕМУ меня сюда занесло!

– Ну... Я люблю путешествовать. И собирать новые впечатления... – неопределенно ответила я.

– О! – сказала матушка Же-Же. – Здесь все так спокойно, что вряд ли вам это удастся. Единственное развлечение – гости нашего хозяина. Они постоянно сменяются и бывают такими забавными.

– Как это – сменяются?

– Одни уезжают, другие приезжают. У каждого свои вкусы. Приходится чаще заглядывать в поваренную книгу, ведь память у меня уже не та, что была.

– А часто прибывают новые гости? – спросила я.

– Не часто. Примерно раз или два в месяц. Вот месяц назад, например, появился мсье Никола. Сколько хлопот было с ним, вы не представляете. В первый вечер подала ему, как и всем, пиалу с водой, чтобы помыть руки после лобстера. Так с ним случился припадок. Да еще какой! Оказалось, что он с детства не может смотреть на воду. Вы видели такое?

Я точно такого никогда не видела. И решила держаться от этого нервного чудака подальше.

– Спасибо, что предупредили.

Я поняла, что мне выпала прекрасная возможность посплетничать и обо всех других, кого видела вчера.

– А кто эта темненькая, госпожа Галина? – спросила я.

На этом мои расспросы и закончились. Матушка Же-Же пожала плечами:

– Это меня не касается. Это гости мсье Паскаля. Мы не имеем права обсуждать их. Мсье этого не любит!

Она ушла.

...А я задумалась над ее вопросом. Напрягала память – передо мной возникали лишь отрывочные ассоциации. Я прекрасно припоминала запахи и звуки, которые сопровождали меня почти с самого детства, могла в яркой вспышке «экрана», возникающего в моей голове, увидеть отдельные картинки – те, о которых я рассказывала моему хозяину. Вспомнила дорогу сюда: она была сплошным темным тоннелем, с бесконечным гулом поезда, ревом двигателя самолета, запахом пыли и страхом перед неизвестностью. Я летела по нему, как опавший листок, подхваченный ветром.

Но... что предшествовало этому полету? Я вскочила с кровати и прошла в ванную, стала перед зеркалом. Смотрела на себя так, будто видела впервые. Передо мной стояла худощавая астеническая женщина неопределенного возраста (о такой я бы сказала – «от двадцати пяти...») с заострившимися чертами лица, на котором резко выделялись слишком большие глаза. Вернее, большими их делали хорошо заметные голубоватые тени под ними. О таких можно сказать – «жертва аборта», «скелет в корсете» или «глист в обмороке». Я всегда была довольно самокритичной...

«Почему ты здесь?» – думала я, разглядывая свое отражение. Очевидно, нужно было действовать по методу Шерлока Холмса. Если бы он увидел такую женщину, сказал бы, что она отнюдь не наследница нефтяного магната, или председатель правления банка, или хотя бы – владелица ночного ликеро-водочного киоска. В лучшем случае – представительница самого низшего слоя так называемой «богемы». Например, неудавшаяся художница с неустроенной жизнью. Это меня пугало больше всего. Ведь было бы достаточно банальным представить, что на заработки меня погнала несчастная любовь! Бр-р-р. Только не это. Только не это...

Я потрогала бицепсы. Несмотря на то что моя рука длинная и тощая, это место было будто железное. Не припоминаю, чтобы я посещала какие-то фитнес-центры или тренажерные залы.

Кто-то говорил – «прошлого нет». Сейчас эта мысль показалась мне верной. И я успокоилась. Это так просто, когда нет прошлого. Даже то, что вторая подушка была несмятой, говорило о том же. Надо жить одним днем. Вот этим солнцем, выходящим из-за горы, лесом, в котором поют птички, глотком вкусного кофе. В течение тех минут, пока льется из графина вино в бокал мсье Паскаля, моего чудаковатого хозяина.

Часть вторая «Между восторгом и печалью»

1

– Эта птичка, наверное, больная. Не трогай ее! Бывает, что они разносят какую-то заразу... – заметил Фед.

Маленькая серая птичка жалась к стене деревянного бистро, почти упиралась в нее клювиком и, растопырив крылья, трепетала. Ее тельце вздрагивало.

– Похожа на пьянчужку, которая собралась блевать... – улыбнулась Галина.

– Или на роженицу, – добавил Фед. – Может, она решила снести яйцо?

Но я не разделяла их веселья.

В этих конвульсивных движениях маленького существа было нечто тревожное. Оно словно выполняло какой-то одинокий акт, и ему невозможно было ничем помочь.

– Идем, выпьем чего-нибудь, – заторопила нас Галина. – Хватит пялиться!

Птички как крысы. Когда-то я больше боялась воробьев, чем крыс.

– Идите, – сказала я. – Я подожду... Хочу подышать воздухом.

Фед открыл дверь, пропустил Галину вперед.

Я осталась стоять. Вечер, как и все другие вечера, был насыщен пузырьками кислорода, как бутылка с газированной водой. Все, как всегда: длинная чистая и почти пустая улица, упирающаяся в склон горы, запах хвои и цветов, вечерняя дымка. Покой... Друзья, которые ждут в бистро и знают твои вкусы...

Во мне тает лед, как в бутылке, которую вынули из морозильника. Пока что уровень этого «наводнения» не достиг груди, не растопил то, что находится выше. Мне еще холодно. Поэтому я надеваю на ночь шерстяные носки и... становлюсь слишком сентиментальной. Все-таки жить со льдом в мозгах и в сердце гораздо проще. Куда это годится, когда тебя душат слезы от одного лишь взгляда на небо, или красивый цветок, или бабушку в черных чулках...

Когда спустя несколько секунд я снова посмотрела вниз (лучше бы этого не делала!), птичка лежала брюшком кверху, поджав лапки.

Наводнение внутри меня всколыхнулось и сразу же растопило еще сантиметров пять льда ниже уровня аорты.

Эта птичка не была больна!

Она умирала.

Умирала у меня под ногами, уткнувшись клювиком в стену, – видимо, для того, чтобы из последних сил сохранять равновесие. Но когда и каким образом она перевернулась?

Умирая, птицы всегда переворачиваются брюшком кверху.

Но меня поразило не только это.

Акт смерти! Эта дрожь, которую мы приняли за какой-то птичий вирус, нелепо распростертые крылья, потуги, похожие на потуги роженицы, отчаянное напряжение маленького тельца.

Вот почему я почувствовала тревогу: у моих ног разворачивалась высокая трагедия, а я не сумела ее распознать! Если бы поняла – взяла бы птичку на руки. Она бы ощутила тепло и сочувствие в свою последнюю минуту. И не перевернулась бы на спину, выставив на всеобщее обозрение трогательное желтенькое брюшко (почему-то оно было гораздо светлее серых перьев на спинке и крыльях). Я представила, как утром наша прекрасная барменша подцепит метлой это тельце на совок и выбросит на помойку.

Я повернулась лицом к деревянной стене и не могла пошелохнуться. Если бы у меня был клюв – так же уперлась бы им в стену, чтобы не упасть. А потом почувствовала на своих плечах руки Вани-Джона.

– Я опоздал? – сказал он, поворачивая меня к себе.

Я покачала головой.

– Что случилось?

Видимо, мое лицо было тоже хорошенько подтоплено.

– У тебя есть платок? – спросила я.

Он вынул из кармана большой клетчатый носовой платок.

Не говоря ни слова, я склонилась над птичкой, завернула ее и понесла в садик за бистро.

Там ее похоронила. Иван-Джон помог вырыть ямку и совсем ничему не удивился.

...Если птицы – души умерших, которые иногда впархивают в окна и бьются о потолки, или просто пристраиваются на карнизе перед твоим окном и заглядывают в комнату, или садятся тебе на голову посреди площади, – кем была эта птичка, которая скончалась у моих ног?

Чего она ждала от меня? Что я не смогла понять? Куда улетел ее последний вздох?..

2

Бывают такие моменты, когда позарез необходимо, чтобы кто-то сидел рядом и держал за руку. Например, перед операцией. Когда ты ничего не осознаешь, кроме собственной дрожи. Единственное, что в таком случае отличает человека от других живых существ, – то, что он способен уговаривать себя: «Все пройдет... Все будет хорошо... Все как-то устроится и чем-то закончится...» Но даже если кто-то держит-таки тебя за руку, а ты способен думать именно так и даже улыбаться, – все равно создается впечатление, будто стоишь физиономией к стене. Один на один с ней. Один на один.

Мы зашли в бистро. Стол уже был заставлен кружками с пивом.

– Родила или вырвала? – сразу же поинтересовалась Галина.

– Просто умерла... – сказала я.

– Кто? – спросил Никола.

– Не отвлекайся, – махнула рукой Галина, рассеивая дым, выпущенный изо рта. – Никто. Продолжай!

– Через несколько дней – ужин и игра у мсье Паскаля, – пояснил нам Фед, – кому-то придется покинуть общество. А мы обнаружили, что очень мало знаем друг о друге. Меня до сих пор беспокоит та маленькая сумма, с которой отправилась Вероника. Были бы мы добрее – изменили бы ситуацию...

– Ничего не станет с нашей красавицей, – сказала Галина. – Думаю, она уже доехала автостопом куда нужно!

– Поэтому, – продолжал Фед, – мы решили лучше узнать друг друга. Возможно, тогда досадные случаи не повторятся.

– Значит, мы что-то пропустили? – спросил Иван-Джон, отодвигая от столика и подставляя мне тяжелый стул.

– Почти ничего. Он только начал. Оказывается, наш молчаливый друг – серб! – сказала Галина и с интересом впиалась взглядом в длинноносое лицо Николы. – Сербия звучит как «серебро»...

– А как там теперь? – неразумно спросила я, чтобы не молчать. – Война закончилась?

– Какая война? – не понял Никола.

– Ну... югославский конфликт... – неопределенно пробормотала я.

– Югославский? – не понял он.

– Да, между Сербией и Хорватией... – Я хотела продолжить похвалиться своими скромными познаниями о Косове или Вукаваре. Но по выражению его лица поняла, что мои рассуждения совершенно неуместны. Никола безразлично пожал плечами и произнес свою коронную фразу:

– Я не интересуюсь настоящим, я тружусь на будущее! Меня это не касается. Не знаю, о чем речь...

– Не вмешивайся, – дернула меня за руку Галина и обратилась к рассказчику, которого мы с Джоном прервали своим появлением: – Итак, маленькая деревушка Смилян в Лике... Что дальше?

– Да, – продолжал Никола. – Это небольшая австро-венгерская провинция... Там мой отец был православным священником.

Он задумался. И уже никто из нас не решался вмешаться со своими комментариями.

– Сколько себя помню – лет с восьми, – я всегда находился в пограничном состоянии между восторгом и печалью. Вид прелестного цветка смущал меня настолько, что я терял сознание от его красоты и запаха. А уже в следующий миг представлял себе его смятым, вырванным, увядшим, мертвым – и страх смерти и боли терзал меня. Тогда я падал на колени (что вполне естественно для ребенка из религиозной семьи!) и говорил: «Господи, зачем все это? Почему Ты сделал все самое красивое в мире – таким недолговечным?» Я остро чувствовал текучесть времени, оно проходило сквозь меня, как электромагнитные волны, но тогда я еще не мог представить себе, что эти волны в действительности существуют. Ночами меня мучили видения – всевозможные чудовища, великаны-людоеды, обитатели тьмы. Мне кажется, что я никогда не засыпал!

Но, думаю, они все-таки приходили во сне. Родители мучились вместе со мной и ничем не могли помочь или хотя бы объяснить мои странности. Например, припоминаю, как, увидев на шее у матери жемчуг, я оцепенел так, что меня положили в ванну с горячей водой. А когда папа принес с базара персики, меня начало лихорадить. Несколько дней я пролежал с температурой, пока корзину с фруктами не вынесли из детской... И все прошло.

Но больше всего меня поражали блестящие кристаллы и предметы правильной геометрической формы. Я ходил в кладовую и часами смотрел на куски сахара и соли. Меня искали, звали, но я стоял как вкопанный. Конечно же, много читал. Наверное, лет с шести. Сначала меня привлекала четырехугольная форма книг и буквы, вытесненные золотом на переплете. А потом меня поглотили сами тексты. Отец переживал, что чтением я могу испортить себе глаза, и потому постоянно отнимал у меня книгу. Тогда я приспособился читать ночью: делал из сала свечу, зажигал ее под одеялом, а щели в двери и замочную скважину тщательно затыкал тряпьем. Созерцание кристаллов и чтение совершили со мной странную вещь! Впоследствии я стал наблюдать удивительные видения: передо мной являлись какие-либо предметы быта во вспышках яркого света. Я даже играл с этим: четко представлял картину, висевшую у нас на стене в столовой, и сразу же в той вспышке, которая шла изнутри, – видел, что она становится подвижной, живой. Таким образом, я перебрал все предметы, находившиеся дома или лежавшие на нашем дворе. И все они приобретали для меня иное содержание. Обыкновенный топор, скажем, превращался в моем воображении в многофазовый мотор. Конечно же, я не мог назвать его так, как говорю сейчас. Для этого я был слишком мал и не мог знать этих определений. Но второе было для меня большей реальностью, чем первое.

Я был похож на человека, который употребляет сильный наркотик: мне нужно было все время увеличивать дозу своих впечатлений и видений, постоянно расширять круг своего ненасытного зрения. Но я уже все пересмотрел и ничего нового ни дома, ни во дворе не находил.

Тогда я начал фантазировать и направлять воображение вспять: сначала вызвал в мозгу ту вспышку, а уже потом – в ней – возникали видения. Сначала они были нечеткие, туманные

и сразу исчезали, когда я пытался усилием воли задержать их. Но со временем они приобретали силу и ясность, а позже стали вполне конкретными...

В определенные моменты я замечал, что воздух вокруг меня наполнен длинными языками пламени. Однажды почувствовал, что это пламя – в моей голове. И оно бьется там, словно маленькое сердце...

Мое воображение становилась все более увлекающим и безграничным. Каждую ночь или даже днем, когда я оставался в одиночестве, – отправлялся в удивительные путешествия, стоило только закрыть глаза и вызвать в голове эту вспышку. Видел незнакомые местности, страны и города, жил в них, встречал там людей, заводил знакомства. Вместе с ними переживал много приключений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.